

Е. Ю. СКОБЦОВА

ЖИТІЯ ДУХА

Е. Ю. СКОБЦОВА
(МАТЬ МАРИЯ)

ЖАТВА ДУХА

составление, предисловие, примечания

А. Н. Шустова

Издательство «Водолей»
Томск — 1994

ББК 84Р
С44

Учредитель издательства «Водолей» —
Томская областная научная библиотека им. А. С. Пушкина

Составление, предисловие, примечания А. Н. Шустова

Художник Т. Желтяксова

Скобцова Е. Ю. (мать Мария)

С44 Жатва духа.— Томск: «Водолей», 1994.— 72 с.

Редактор Е. Кольчужкин

Сдано в набор 11.03.94. Подписано в печать 04.04.94.

Формат 60×90 $\frac{1}{16}$. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Печ. л. 4,5. Условн. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 8.02.

Тираж 1000. Заказ № 187

Издательство «Водолей»

634032, Томск, пер. Батенькова, 1

4-я типография ВО «Наука»

630077, Новосибирск, 77, ул. Станиславского, 25

С $\frac{4702010102}{M46(03)—94}$ Без объявл.

ISBN 5—7137—0004—6

© Шустов А. Н., Составление, предисловие, примечания, 1994
© «Водолей», Оформление, 1994

ШИРОКИЙ ПУТЬ ДУХА

... от древа духа снимут люди
Золотые, зрелые плоды.

Н. Гумилев. «Солнце духа».

Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева (по второму мужу — Скобцова), легендарная мать Мария (1891-1945), прожила нелегкую и во многом необычную жизнь. Природа наделила ее несколькими талантами: она была поэтом, публицистом, художником, общественным деятелем, религиозным мыслителем... и во всех этих ипостасях сумела достаточно полно проявить себя.

В далекие 1910-е годы, которые принято называть серебряным веком русской культуры, Елизавета Юрьевна была активной посетительницей столичных литературных и художественных кружков и обществ. В числе ее хороших знакомых тех лет были А. Блок, Н. Гумилев, Вяч. Иванов, А. Ахматова, С. Городецкий, А. Толстой, Н. Крандиевская, С. Дымшиц, Д. Бушен и многие другие. До революции она выпустила в свет три книги: поэтические сборники «Скифские черепки» (1912) и «Руфь» (1916) и философскую повесть «Юрали» (1915).

С юных лет поэтесса имела явную склонность к философии; позже она стала слушательницей философского отделения Бестужевских курсов. Невзгоды, вызванные первой мировой войной, и безответная любовь к Блоку усилили тягу Кузьминой-Караваевой к религии. Уже в книжке «Руфь» она проявила себя как вполне самобытный поэт, не чуждый религиозной тематике. Тогда же, в середине 1910-х годов, она экстерном сдавала богословские предметы профессорам Петербургской духовной академии.

В годы революции и гражданской войны Елизавета Юрьевна была избрана городским головой Анапы (в этом любимом ею городе прошло ее детство и юность). Позже, с роспуском городской думы, она была включена в состав большевистского Совета в качестве комиссара по народному образованию и здравоохранению. Как активный член партии правых эсеров она принимала участие в работе двух партийных съездов. За свое невольное сотрудничество с большевиками (комиссарство) Кузьмина-Караваева была арестована деникинцами и едва избежала смертной казни.

После окончания гражданской войны Елизавета Юрьевна вместе со своим вторым мужем, крупным деятелем Кубанской Краевой Рады — Д. Е. Скобцовым, покинула родину.

С 1923 года Скобцовы обосновались в Париже, куда в этот период переместился центр русской эмиграции. Елизавета Юрьевна активно включилась в общественную жизнь русской колонии: она выступает в печати, входит в состав руководства Русского Студенческого Христианского Движения, много разъезжает по местам рассеяния беженцев из России.

7 марта 1926 г. у Скобцовой скончалась от менингита ее младшая дочь Анастасия. В течение почти двух месяцев мать находилась в больнице, видя медленное угасание своего ребенка. Именно тогда, у постели смертельно больной четырехлетней дочери, Елизавета Юрьевна открыла для себя главное: «О чем и как не думай,— большего не создать, чем три слова: «Любите друг друга» (заповедь Христа. — А. Ш.), только до конца и без исключения, и тогда все оправдано, и вся жизнь освещена, а иначе мерзость и тяжесть». Эта простая евангельская истина явилась естественным продолжением и развитием ее идеи о самопожертвовании, высказанной несколькими годами раньше в «Юрали» и в поэме о Мельмоте Скитальце.

В этот период Елизавета Юрьевна еще пристальнее обращает свои взоры к религии. В первую очередь ее интересует нравственная, этическая сторона христианства. Завет «любите друг друга» Скобцова старается подкрепить историческими примерами. С этой целью в 1927 г. она выпускает в свет небольшую книжку «Жатва Духа».

Книжка эта представляет собой краткие жизнеописания нескольких праведников. Из более чем пяти тысяч святых, чтимых русской православной церковью, Скобцова выбрала менее десяти, деяния которых ее глубоко взволновали. Она особо почитала тех подвижников, которые не уединялись в монастырских кельях, а под видом смиренных и убогих беззаветно служили людям во имя Бога, зачастую получая в награду лишь поругания. В журнальной рецензии Г. П. Федотов тогда же отметил, что автор этих житий примыкает к таким писателям, обращавшимся к аналогичному жанру, как Н. С. Лесков, М. А. Кузьмин, А. М. Ремизов. Показательно, что «она не взяла ни одной мученической и ни одной аскетической легенды. (...) Ее восемь сказаний являются находкой, плодом определенных поисков».*

Герои книги Елизаветы Юрьевны — это подвижники первых веков христианства. Они уходят в притоны, на социальное «дно», чтобы служить спасению людских душ, принять на себя чужие грехи и страдания. В этом «хождении в народ» узнаются «черты лица старого народничества», чье мировоззрение было близко Скобцовой. По справедливому замечанию Федотова, «для духовной генеалогии русского народничества

* Современные записки.— Париж.— 1928.— № 35, С.554-555.

находки Е. Скобцовой чрезвычайно ценны».* В ее житиях звучат мысли, уже знакомые по повести «Юрали»: «... сильнее мои плечи твоих плеч (...). Мне, искушенному, легче воевать с врагом (...), во имя любви хочу я принять труд твоего пути». На первый план она выдвигает потребность «своих» подвижников к активному состраданию, к сочувствию: «... было сердце его пронзено жалостливой любовью к ближнему, — скорбящему человеку». Не случайно «Жатва Духа» завершается символической новеллой «Путь к человеческим душам».

Так Елизавета Юрьевна нащупывала свою стезю нравственного служения. Ее герои в своих поступках во многом похожи на автора их агиографий.

Но почему «Жатва Духа»?..

В Евангелии сказано, что в конце времени Господь пошлет ангелов жать духовные плоды мира. Плодами духа, согласно христианскому учению, являются любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание; плод духа состоит во всякой благости, праведности и истине. Сеющий дух, от духа пожнет жизнь вечную. Так сказано в апостольских посланиях...

Однажды Христос рассказал ученикам притчу о том, что жатвы много, а делателей (жнецов) мало, имея в виду, что примеров добротворения в мире достаточно, — нужно лишь суметь заметить их. Уже в книге «Руфь» Елизавета Юрьевна писала, что она собирала «колосья в подол». То есть подобно ветхозаветной прародительнице Христа подбирала в поле лишь остатки чужого урожая. Теперь же, выпустив свою книжку, она сняла обильную духовную жатву, и таким образом выполнила прямой призыв Господина собрать плоды в жизнь вечную.

Скобцову отличали не только идеи жертвенности, самоотдачи и благотворения сами по себе, теоретически — она была именно делателем, человеком активных действий. Не случайно устами одного из подвижников своей книги она подчеркнула стремление «искать новые делания Господни».

16 марта 1932 г. Е. Ю. Скобцова приняла монашеский постриг и с ним — имя Мария. Называя ее в честь святой Марии Египетской, митрополит Евлогий напутствовал: «Как та ушла в пустыню к диким зверям, так и тебя посылаю я в мир к людям, часто злым и грубым». Владыка предвидел, что ей придется претерпеть злобу и гонение от окружающих. Действительно, не все в эмиграции поняли и оценили ее поступок. Сама мать Мария писала в поэме «Духов День»:

Я знаю-честь, я знаю и плевки,
И клеветы губительное жало,
И шепот, и враждебные кивки.

* Современные записки. — Париж. — 1928. — № 35, С. 554-555.

Обычное обращение монахинь друг к другу определяется словом «сестра». Однако, новая монахиня сразу же получила иное прозвание — мать Мария. Такое обращение допускается лишь к старшим в монастырской иерархии (игуменье, казначее и т. п.). «Присвоение» его Скобцовой означало признание ее авторитета и больших заслуг на ниве милосердия и благотворительности. Хорошо знавшая писательницу критик Т. А. Манухина отмечала, что «ее легко стали именовать матерью Марией, постепенно забыв подлинное имя». Да и сама монахиня Мария считала свою благотворительную деятельность «всоемлемым материнством».

Мать Мария различала монашество аскетически-созерцательное и активное: именно во втором типе, «обращенном к миру монашестве, особенно сильно ощущается то, что (созданный Богом) мир во зле лежит. (...) И монашество обращается к миру, потому что любит этот образ Божий мира, образ Божий человека, презревает его в грехе и гное исторической действительности».* Ее монашество в миру было явно нетрадиционным, хотя и имело прецеденты в истории русской религиозной жизни. Одним из ярких представителей такого монашества был Серафим Саровский. В нем видели, по словам Бердяева, «всаяние Духа Святого». Аналогично поступали и старцы Оптиной пустыни, чьи кельи часто бывали открыты для мирян. По существу это был земной путь Христа, которого Отец послал в мир, к людям.

Свое подвижничество мать Мария во многом черпала у высоко чтимого ею раннехристианского писателя Исаака Сирина, который считал, что мир — это собирательное название всех страстей: приверженность к богатству (стяжание), телесное наслаждение (похоть), честолюбие, жадность, властолюбие, славолубие и т. п. «Мир есть плотское житие в мудровании плоти», поэтому «не могут приобрести любовь к человеку те, кто любят мир сей».** Как видим, любовь к миру и к человеку у Исаака разделяются. Поэтому-то подлинные христианские гуманисты и отрекаются от мира во имя человека.

Коль скоро мир — это пагубные страсти, от него нужно спастись затворничеством за монастырской оградой. Но такой путь был совершенно неприемлем для матери Марии. Она воспринимала мир как сообщество людей — тех самых, которые нуждались в ее попечительстве, и поэтому заботилась не столько о личном спасении, сколько о спасении других душ. Отсюда ее открытость миру, выход за «ограду монастыря» (кстати, такового в русском зарубежье и не было!) — она следовала завету Вл. Соловьева, рекомендовавшего христианству не самоизолироваться, а смешаться с миром, «лежащем во

* Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. Т. I. — Париж. — 1992. — С. 193.

** Цит. там же, С. 175.

зле», во имя его спасения. Мать Мария последовательно отстаивала право монаха на активную жизнь и в пьесе-мистерии «Анна» писала:

... не какой-то безлюдный пустырь —
Мир населенный — вот монастырь...
... если в мире тяжело живется —
Пусть будет тяжело в монастыре.
Мы крест мирской несем на наших спинах.
Забрызганы монашеские рясы
Земною грязью,— в мире мы живем.

Как-то мать Мария призналась: «На страшном суде меня не спросят, успешно ли я занималась аскетическими упражнениями и сколько я положила земных и поясных поклонов, а спросят: накормила ли я голодного, одела ли голого, посетила ли я больного и заключенного в темнице. И только это спросят».

Став матерью для всех, монахиня Мария целиком отдалась благотворительной работе. Она была одной из основательниц общества «Православное дело», которое являлось учреждением, призванным в первую очередь оказывать социальную помощь православным эмигрантам. При этом религиозная догматика была отодвинута в сторону, а на первый план выдвигались проблемы практического христианства.

Мать Мария открыла несколько пансионатов для больных и престарелых, дешевых столовых для неимущих и безработных, вела кружки по изучению России, оказывала самую разнообразную помощь нуждающимся соотечественникам. Особенно любила она общение с молодежью, часто выступала перед молодыми людьми с докладами на религиозные темы и по истории России. Она исколесила всю «русскую Францию», спасая людей от алкоголизма, самоубийств, сумасшествий.

Мать Марию хорошо знали и высоко ценили глава русской зарубежной церкви митрополит Евлогий, Н. А. Бердяев, Г. П. Федотов, С. Н. Булгаков, которого она считала своим духовным отцом. Поистине она была олицетворенной совестью русской эмиграции. Бердяев писал о ней: «Мать Марию я считал одной из самых замечательных женщин в эмиграции. В ее жизни, в ее судьбе как бы отразилась судьба целой эпохи. В ее личности были черты, которые так пленяют в русских святых женщинах: обращенность к миру, жажда облегчить страдания людей, жертвенность, бесстрашие».* Ее имя стоит в ряду таких мыслителей-богословов, как А. Карташев, А. Ельчанинов, С. Четвериков и др.

В годы фашистской оккупации Франции мать Мария не прекратила своей благотворительной деятельности. Более того

* Н. А. Бердяев. Самопознание.— М., 1991.— С.426.

— она установила контакты с группами французского Сопротивления.

В эти тяжелейшие годы мать Мария продолжала писать стихи и пьесы. В 1942 г. ею были созданы поэма-псалом «Похвала труду» и автобиографическая философская поэма «Духов День». Вторая поэма написана за несколько месяцев до ареста и является своеобразным подведением ею жизненных итогов, осмыслением современной ситуации в мире в наиболее трагический исторический период. Спустя полгода фашисты оккупировали южную зону и, таким образом, вся Франция оказалась под их пятой. На восточном (советско-немецком) фронте гитлеровцы рвались к Волге. Но до Сталинградской битвы оставалось еще долгих восемь месяцев. Отсюда — мрачные, апокалиптические тона поэмы, которая написана в присущей поэтессе манере «библейского символизма» с многочисленными реминисценциями, порой затрудняющими понимание ее неподготовленным читателем. Но в целом это произведение все же оптимистично, поскольку у автора сильна вера в духовную силу народов. Она всегда считала, что любое дело, лишённое живительной силы и благодати Святого Духа, обречено на гибель. Похоже, что поэма «Духов День» родилась у автора как экспромт-монолог и не предназначалась для скорой публикации: некоторые технические шероховатости свидетельствуют о ее недоработанности.

Конец самой Матери Марии был трагичен: два года она провела в гитлеровском концлагере Равенсбрюк. Это были годы физических и душевных страданий, но она перенесла их стойко и с достоинством — по ее собственным словам, «не снижая духа». 31 марта 1945 года мать Мария была казнена.

Подвижническая жизнь русской писательницы, философа, православной монахини, наконец — просто Женщины Большой Души получила заслуженно высокую оценку потомков: в 1985 г. советское правительство наградило Е. Ю. Кузьмину-Караваеву за активное участие во французском Сопротивлении орденом Отечественной войны, а ныне обсуждается вопрос о ее канонизации.

«Широкий путь духа» — так сама Елизавета Юрьевна определила свою цель бескорыстного служения и сострадания людям. Пройдем же вместе с ней по этому пути, познакомимся с забытыми духовными произведениями матери Марии.

ЖАТВА ДУХА

Выпуск 1

1. Иоанникий Великий.— Жития святых. Ноябрь, 4-ый день.
2. Авва Агр и авва Ор.— Древний Патерик.
3. Мученик Никифор и его друг Саприкий-пресвитер.— Жития святых. Февраль, 9-ый день.
4. Единодушные братья.— Древний Патерик.

Выпуск II

1. Виталий-монах.— Жития святых. Апрель, 22-ой день.
2. Петр.— сборщик податей.— Жития святых. Сентябрь, 22-ой день.
3. Серапион-синдонит.— Жития святых.— Май, 14-ый день.
4. Путь к человеческим душам.— Древний Патерик.

ИОАННИКИЙ ВЕЛИКИЙ¹

Сын пастуха и сам пастух,— и пастух не только стад овечьих, но и душ человеческих,—² Иоанникий родился в селении Марикато к северу от горы Аполлониарской.

В ранней юности, уходя на далекие пастбища со стадами овец, он осенял их крестным знаменем и оставлял без иного попечения, а сам предавался молитве. И хищные звери не трогали овец, и во благовремени находили они источник для водопоя, и было им всегда достаточно травы на потребу, потому что крест Иоанникиев был им пастырем и оградой.

Сам же отрок этим знаменем крестным освобождал себя от тягости мирского дела и мог пребывать в молитве.

Так от возраста к возрасту выпрямлялся дух его во всегдашнем предстоянии Господу, и был он, как свеча пламенеющая в молитве.

Достигнув зрелых лет, Иоанникий покинул отцовские пастбища и родное селение для того, чтобы уйти в пустыню и свободно подвизаться на Господнем пути. Там, деля время между молитвой и трудом, Иоанникий научился читать слово Божие, а также и боговдохновенные книги святых и богоносных Отцов.

И не только читал он молитвы и песнопения, сложенные другими, но и сам был вдохновлен Господом на творение особой молитвы, произнесением которой и прославлял в дальнейшем святую Троицу.

Молился он так:

— Упование мое,— Отец, прибежище мое,— Сын, покров мой,— Дух святой,— Троица святая, слава Тебе.

Постоянное трезвление отшельника, суровое отречение от всех благ суетной жизни, молитвенная возвышенность его,— стали скоро известны далеко во всей округе.

А добрая слава часто влечет за собой дурную зависть.

И позавидовал праведности Иоанникия один инок по имени Епифаний.

Сначала он хотел путем словесного питания найти что-либо в душе Иоанникия, что не может быть угодно Господу. Но после долгой беседы ничего такого не обнаружил.

И тогда спросил он Иоанникия:

— Что есть монах?

Отшельник же, как бы принуждая себя к ответу и совершая тяжелый труд, промолвил в большой задумчивости:

— По мне, кто делает себе во всем принуждение, тот монах.

Епифаний вел хоть монашескую жизнь, но легкую и без надобности не принуждал себя к особым подвигам. А потому

был он сильно обижен словами Иоанникия, но обиды этой тогда не показал, а сложил ее в сердце своем, где лежал уж большой груз зависти и злобы.

И только вернувшись к себе, дал он волю своему недовольству и заменил все иные помыслы страстью гнева и ненависти.

Так пребывал он некоторое время, пока демон гнева не овладел им настолько, что не мог он уже оставаться бездейственным. Тогда решил он каким-либо способом погубить ненавистного Иоанникия.

Незаметно приблизился Епифаний к горе, на которой спасался³ отшельник. Трава же по причине жаркого и засушливого лета была на той горе совершенно желтой и сухой. А немного повыше росли деревья, тоже, по неизвестной причине, высохшие. Так что как бы на кладбище многих растений пребывал Иоанникий.

Приблизившись к горе, Епифаний во многих местах и с различных сторон поджег сухую траву. И вскоре целое огненное море охватило всю гору. Деревья трещали и падали, сжав пламенным кольцом вершину, где имел пребывание Иоанникий. А трава, пылая, как бы слала к этой вершине огненные волны, грозя ее затопить.

С большой опасностью и со многими трудами избежал Иоанникий этого пламенеющего приступа.

Вышедши в долину, он подумал, что ввел Епифания в великий соблазн. И тогда показалось ему, что не Епифаний совершил грех, покусившись на жизнь человеческую в злобе, а он,— соблазнявший его,— этот грех на свою душу принял.

Помыслив так, пошел он разыскать врага своего. Тот был очень испуган, увидав Иоанникия живым и невредимым, потому что почитал он его погибшим в великом пламени, охватившем гору.

Не медля приступил к нему Иоанникий и слезно стал просить у него прощения и отпущения греха. А дабы вернее это отпущение вымолить, он сказал:

— Позволь мне, брат Епифаний, и твою долю вины взять на свои плечи, и ответить за нее перед Господом, прося Его именем той тяжести которую ты поднял, совершая грех, отпустить мне и мою тяжесть,— тяжесть человека, соблазнившего тебя на этот грех.

И, поклонившись в ноги смятенному Епифанию, Иоанникий отошел из той страны, дабы в пределах дальней пустыни продолжать трудное дело спасения своей души.

Много лет пребывал он в молитве. Много и смиренно плакал он, припадая ко Христу и прося Его отпустить грехи человеческие.

Из зрелого мужа стал он старцем. Начали волосы его серебриться. Тело постепенно высохло. Только кожа обтягивала кости. Глаза ввалились глубоко в глазницы,— свет же, исходящий из них, был подобен пламени пополающему.

И если бы кто увидел старца Иоанникия, стоящего прямо и неподвижно на скале, воздев руки к небу, во время молитвы, попяляемого солнцем, или иссушаемого ветром, или покрытого зимой утренним инеем, то такой увидевший воскликнул бы:

— Воистину, вот высится под вольным небом свеча Господня. И пламени моления его не задует ни ветер, идущий со всех четырех стран земли,⁴ ни дождь в осеннюю непогоду.

Молитва Иоанникия пламенем своим противустояла всем страстям человеческим и пламенем своим попяляла все страсти человеческие.

Так что стал он во плоти как бы бесплотен, и в греховной природе как бы безгрешен.

И тогда отошли из той пустыни все демоны и враги, потому что нечего им было делать там.

Остался Иоанникий один с Богом Сил.⁵

И был Господу верным предстоятелем за мир и верным заложником за мирские страсти и грехи.

Когда же совершилось так, не захотел Господь беречь сосуд этот нерасплесканным, и решил дать приобретенное Иоанникием в пищу людям, дабы и голодные несколько насытились духом.

И повелел Он рабу Своему идти в мир, утешить и облегчить скорби мирские, бороться со страстями человеческими и молиться о покое людей.

Так, древним старцем покинул Иоанникий пустыню и понес многоценное золото свое обнищавшему и голодному миру.

Во многих городах и селах являлся он, и люди имели большую пользу от его молитв и словесных бесед с ним. И казалось даже людям, что после этих встреч получали они взамен своего непомерного груза земных забот и сомнений,— легкое иго Христово.⁶

Несколько лет длилось его странствие среди мира. И не было ему знаков Господней воли, что может он уйти опять в пустыню на покой.

В конце этого земного пути пришел он однажды в один женский монастырь.

Монахини в нем были в великом смятении и горе, потому что одна из сестер монастырских, дотоле самая прилежная в молитве и самая послушная в труде, подпала диавольскому искушению и томила в непосильной борьбе с самим многовластным врагом человеческим.⁷

Духи уныния, гнева, блуда и гордости ополчились на нее и готовы были побороть волю слабой невесты Христовой.⁸ И так сильно было борение, что тело несчастной били жестокие судороги, а около уст клубилась кровавая пена, и глаза как бы ослепли от налившей их крови, язык же извергал немолчно самую страшную хулу на Создателя.

Печальные и плачущие сестры собрались около ее изголовья с зажженными свечами и молились, чтобы Господь освободил своим вмешательством страдальцу,— или посрамив силу врагов

и попавив их дыханием уст Своих,— или же разлучив грешное тело монахини от томящейся и изнемогающей души.

Когда настоятельница увидала входящего Иоанникия, то поняла, что этот человек может много перед божественным престолом. А потому обратилась к нему со слезной просьбой облегчить страдания сестры.

И он тоже тайным ведением понял, что в этом пределе дарованы ему Господом силы.

Тогда подошел он к ложу несчастной. Окружающие громко запели песнопения, и свечи в руках их ярко засияли.

И возложил Иоанникий руку на голову томящейся, и спокойным голосом произнес:

— Волею и силою Бога живого,⁹ беру я, недостойный раб Божий Иоанникий, на себя грех твой,— если ты согрешила, и тяжесть твою,— если послана тебе в испытание тяжесть. Потому что сильнее мои плечи твоих плеч. Потому что мне, искушенному, легче воевать с врагом. Потому что во имя любви хочу я принять труд твоего пути. И да будешь ты в смирении своем свободна от искушения.

Лежащая на одре только еще один раз всем телом содрогнулась, а потом уснула спокойным сном, так как по слову Иоанникия диавол оставил ее.

Все сестры монастырские опустили на колени и со слезами прославили Бога.

Иоанникий же, никем не провожаемый, вышел из монастыря.

И вот увидел он, что солнце, доселе светившее ярким и белым светом, вдруг померкло и как бы налилось кровью, а земля иссохла и замерла, и птицы в небе перестали петь, растения же будто напятились ядом.

И показалось Иоанникию, что Бог-Господь отступил от своего первозданного мира, предав его в руки врага и насильника, мощь которого не имеет границ.

Стала плодородная и цветущая земля горькой пустыней, и объяли ее тление и смерть. И слуги лукавого стали едиными владыками вселенной.

Средь этого оставленного Богом мира был одинок Иоанникий. И приступили к нему искушения.

Будто многими трудами не смирял он плоть свою человеческую,— восстала на него плоть, и демон блуда и греховных помыслов овладел ею.

Будто не видал он ранее великую силу помощи Господней,— дух уныния проник в его сердце.

Будто не смирил он себя в пустыне до праха,— в непомерной гордости ныне вознеслась душа его.

Стало его сердце местожительством лукавого, затуманился разум, отошло трезвление и силы упали.

И только на самом дне души пылала одна огненная точка,— память.

Изнемогающий, удалился Иоанникий от жилья человеческого. Понимал он, что принятая им на себя чужая тяжесть и

добровольно взятый чужой грех оказались не по его слабым человеческим силам.

А от этого наступило отчаяние.

Ночь не прохлладила его тела и не утишила грешных помыслов и желаний.

Так на другое утро оказался он в месте пустынном и диком, среди желтых скал, где не было ни воды, ни растений.

И, спотыкаясь об острые камни, ранив ноги свои, ослепляемый кровавым солнцем, у последней грани бессилия и отчаяния,— понял он, что не может бороться с врагом и не может молиться.

Тогда он упал.

И судороги стали ломать его члены, лоб покрылся потом, глаза кровью налились, и пена выступила на устах.

В ту минуту заметил он, что на соседнем выступе скалы, свернувшись клубком, грелась на солнце змея.¹⁰ Она его не видала, и спала на желтых камнях.

И произнес мысленно Иоанникий:

— Если не могу я дальше бороться с грехом и искушением, то пусть лучше умру, ужаленный ядовитым жалом змеиным, чем недостойно буду влачить жалкие дни моей жизни.

И, так помыслив, пополз он к змее, напрягая последние силы.

Змея же, услышав, что камни шуршат, проснулась и насторожилась. Потом развились кольца ее, и стала она тоже приближаться навстречу монаху.

Когда же были они на расстоянии нескольких локтей один от другого, то взоры их встретились.

И неотрывно вперил Иоанникий свой взгляд во взгляд змеинный.

Одно недолгое мгновение длилось так.

Потом змея вздрогнула вся, и дрожание это прошло по всему хребту ее. Вздвогнув же, вытянулась и осталась неподвижной.

Когда Иоанникий приблизился к ней, то увидел, что лежит она мертвая.

И вот опять заблестало солнце Господне в синем небе, и запели птицы над головой его, и весь мир зазвучал немолчной хвалой Создателю, и стала земля подножием ног Божьих, и синева небесная — престолом Вседержителя. Будто вернулась божественная душа в покинутое тело.

Тяжесть упала с плеч Иоанникия, греховные помыслы, как ветхая истлевшая одежда, скатились к ногам его,— враг лежал во прахе, посрамленный.

Прямо — горящей свечой, молитвенником несмолкающим, великим предстоятелем перед престолом Господним почувствовал себя Иоанникий.

И, легко ступая по острым камням пустыни, продолжал он путь свой и громко славил Создателя.

— Упование мое,— Отец, прибежище мое,— Сын, покров мой,— Дух Святой,— Троица святая, слава Тебе.

АВБА АГР И АВБА ОР¹¹

В нижних странах Египта, прославленных великими подвигами отшельников и благословенных по молитвам рабов Божьих,— спасались два брата по плоти,— Агр и Ор.

Бесовскою же силою были им посланы непреодолимые искушения и, выйдя однажды по нуждам братии в город, оба они там впали в грех.

Совершив же грех, стали братья сильно каяться и решили вернуться к старцу своему в пустыню, дабы тот указал им истинные пути покаяния и наложил тяжелый труд во искупление за содеянное.

Старец, выслушав их исповедь, велел им в течение года не оставлять своих келий, предаваясь непрестанной покаянной молитве. И был им дан одинаковый запас печеных хлебов, дабы и для приятия пищи не нужно им было встречаться с другими братьями и отвлекаться от молитвы.

Повелев так, старец и сам начал умолять Бога о прощении согрешившим.

Авба Агр и авба Ор, разлученные по келиям, с одинаковым рвением приступили к очищающему посту и исцеляющей молитве.

Когда же миновал год и были они освобождены старцем из заточения, то все собравшиеся братья заметили, что Агр вышел из келии своей с лицом сияющим, Ор же предстал перед ними печальный и бледный.

И приступили к ним братья со словами:

— Разве не одинаковое количество хлебов было отпущено вам, и разве не одинаковые ложа уготовили вы себе, и не одинаковым молитвам и рукоделиям научил вас старец? Отчего же вышел к нам авба Агр со светлым лицом? Авба же Ор имеет вид печальный и бледный? Расскажите нам, чтобы мы знали, как вы молились.

Отвечал авба Агр:

— Я ел через день по ломтю хлеба и совершал положенное рукоделие. А молился я, благодаря Господа, что исторг он меня от суетной нечистоты мира сего и сподобил вернуться на праведный путь иноческий. Когда же я думал, какой радости удостоил меня Господь этим освобождением от греха, то сердце мое трепетало, а глаза наполнялись слезами умиления.

И сказал Ор:

— Я также ел через день по ломтю хлеба и совершал положенное рукоделие. Но молился иначе. Я вспоминал, в какой великий грех впадала душа моя и представлял себе, какие страшные муки ждут меня, если не покаюсь. И тогда сердце

мое наполнялось печалью и трепетом, и взывал я ко Господу: Боже, прости меня, грешного.

Братия же, услышав о том, как молились в своих кельях Агр и Ор, долго размышляли об этом и потом поняли, что покаяние одного и покаяние другого, — равны перед Господом, и что оба согрешившие брата вновь чисты.

Так оно и было некоторое время.

Но враг человеческий продолжал вести лютую войну против раскаявшихся братьев.

И случилось так, что старец послал обоих в город продавать на торжище различные рукоделия. Там, окруженные толпою, они разошлись в разные стороны. Агр долго не мог найти покупателей на весь товар свой и освободился от него только поздно ночью. А потому очень устал и лег около стены отдохнуть.

Ор, напротив, продал все рукоделие очень скоро и по высокой цене. Освободившись от своей обязанности, он начал искать брата, но не нашел его по причине большого стечения народа.

Потом разговорился он с некими юношами, которые напоили его вином. Проведя в недостойном обществе несколько часов, он почувствовал, что сильные греховные желания овладели им. По причине же выпитого вина не мог он с трезвением и волей противопоставить им молитву.

Юноши далее повлекли его с собой. И в ту ночь впал он опять в грех.

Наутро, проснувшись, встретил он авву Агра и покаялся ему, заявив:

— Один раз можно было ждать Господней милости и молить об отпущении греха. Теперь, совершив тот же грех вторично, не имею я смелости ни у Бога просить прощения, ни к старцу идти с исповедью. А потому, прошу тебя, брат, оставь меня в мире и не принуждай возвращаться в пустыню. Итак, давай расстанемся.

Агр умолял брата изменить это решение и попытаться покаянием вновь загладить поступок свой.

Но Ор был в своем решении тверд и торопил Агра расстаться.

Тогда, не зная, каким путем приобрести Господу брата своего, авва Агр воскликнул:

— Позволь мне тоже покаяться перед тобой. Этой ночью и моей душой овладел демон, так что и я впал в грех. Но не желая быть преданным вечному наказанию, я решил вернуться в пустыню и понести любую кару, которую будет угодно наложить на меня старцу. Итак, неужели ты оставишь меня одного перед лицом гнева нашего учителя и не поделишь вместе со мною его праведную ярость?

Ор вполне поверил словам брата и устыдился своего малодушия.

Так вернулись они в пустыню и открыли свои грехи старцу. Тот очень гневался, но, видя их покаяние, принял их в общение и велел молиться.

Долго каялся авва Агр в грехе, совершенном Ором, и смиренно принимал поношение от всей братии.

Ор же не смирился и продолжал открывать свое сердце греховным помыслам, не защищая молитвой дорогу к нему от диавола.

Когда же диавол укрепился в его сердце и овладел всеми его желаниями, то он открылся авве Агру, что больше ему не по силам нести тяжесть монашеской жизни, и что решил он идти в мир, потому что человек призван к человеческому, а не к тому, что удел одних лишь ангелов.

И на все уговоры и мольбы аввы Агра, Ор отвечал одним лишь упорным молчанием, так как сердце его было в руках врага и искусителя.

Долго молился авва Агр и долго не знал, как поступить ему по Божьему указанию.

Наконец понял, что любовь к брату сильнее остальных помыслов владеет им, и тогда перед рассветом постучался в келью к Ору.

Тот же перепоясался и был готов к путешествию.

— Брат Ор, я долго не мог принять решения, теперь же, видя твою готовность оставить пустыню, знаю, что и мне не по силам отшельническая жизнь. Итак, отойдем отсюда вместе.

Ор обрадовался его словам и согласился иметь его своим спутником.

Солнце еще не успело подняться, когда они достигли предела пустыни и вышли на большую дорогу, ведущую к городу.

И началась для братьев новая жизнь.

Ор, предавшись в руки искусителя, не хотел работать, а проводил ночи в увеселении и в разгуле, дни же, — во сне.

Агр по ночам молился и плакал. Днем плел циновки и продавал их.

Не зная предела любви и жалости к брату, отдавал авва Агр все вырученные деньги ему на ночные траты.

И был его подвиг труда, воздержания и молитвы, и печали за гибнущего брата гораздо тяжелее, чем иноческий подвиг в пустыне.

Городская жизнь являла кругом соблазны и грехи. Шум уличных торжищ отвлекал его от молитвенных созерцаний. Нужда и недостаток во всем заставляли торговаться при продаже циновок и радоваться вырученным деньгам. А главное — жизнь Ора не давала ни одного мгновения покоя. Все время надо было тревожиться и печалиться.

Циновки продавались дешево, а ночные забавы стоили дорого. Дорого стоило и вино. Ору не хватало денег, которые вырабатывал для него брат, и он, как бы ослепленный врагом, не только не благодарил его за ежедневную помощь, а сердился на то, что эта помощь мала, и всячески старался оскорбить и унижить брата.

Первое время Ор возвращался каждый день на рассвете, нетрезвый, озлобленный и как бы одержимый гневом.

Агр успокаивал и раздевал его, омывал ему лицо, постилал его ложе и укладывал спать, а сам принимался за плетение, плача и молясь о своем брате.

Потом стал Ор пропадать по несколько суток сразу и Агру приходилось искать его по различным городским притонам, расспрашивая пьяниц, гуляк и веселых женщин, не видели ли они брата его.

Те смеялись над ним и обманывали его, говоря, что хоть и знают, где Ор, но не скажут прежде, чем Агр не разделит с ними веселья.

И приходилось Агру пить вино и скитаться по притонам вместе с гуляками, чтобы только узнать от них, где Ор.

И бывал он доволен, если находил Ора спящим в каком-нибудь притоне, потому что чаще и чаще день Ора кончался ссорами и даже дракой. И Агру всегда приходило на мысль, что от ссор и драк может Ор легко дойти до убийства.

Были все новые друзья Ора люди недостойные, редко трезвые, драчливые, способные на преступление и ничем не связующие своей злой воли.

Вскоре все то, чего боялся Агр, исполнилось.

Проведя три дня среди распутников, Ор не имел чем заплатить за вино, которое он выпил. Его начали стыдить. Он пришел в гнев и поссорился со своими друзьями. А одна из веселых женщин подстрекнула его к драке.

И во время этой драки убил он молодого человека, сына знатного гражданина,— и ужаснулся, потому что ждала его жестокая расплата.

Когда он увидел, что противник его пал мертвым, то сразу протрезвел, но не покаялся, однако, а стал размышлять, как бы ему уйти от наказания.

И пришел он к Агру, прося совета.

Агр заплакал и стал говорить, что единственное, оставшееся им, это идти в пустыню и каяться.

Испуганный Ор сначала легко согласился на это, потому что главным делом для него было покинуть город, где ожидало его человеческое возмездие за совершенное преступление.

Но выйдя за городские стены и почувствовав себя в безопасности, он стал опять упрекать брата своего в различных грехах,— дошел даже до того, что обвинил его в ночном убийстве, сам же себя во всем оправдывал и от всего отрекался.

Агр молчал, не имея что возразить.

Тогда Ор стал бить ногами о землю и изрыгать из уст пену, и всячески хулить Творца, как бы являясь орудием дьявола.

И ужаснулся Агр, и понял, что уже давно в брата его вселился враг, что не своею волею совершает он все, а волей этого своего господина.

И упал Агр на землю и стал бить себя в грудь, и умолял Бога, чтобы Господь пощадил его брата возлюбленного, которому уже и так тяжело, потому что достаточное время владеет им дьявол.

И в безмерной любви воззвал он:

— Если уж нужны врагу жертвы, то пусть он отпустит брата моего Ора и вместится в меня, потому что по силе и любви Господней чувствую я в себе дерзновение к этому.

Так и вышло по молитве его.

Оставил враг сердце Ора и со всею силою стал терзать авва Агра.

Но то, что у слабого обращается во зло, у сильного становится страданием.

Предельной мукой земной страдал Агр и чувствовал, как железными когтями скоблит его сердце диавол.

Ор же, впервые усмотрев всю бездну, в которой он пребывал, со страхом взирал на своего изнывающего брата.

Со многими трудами и болезнями дошли они до пустыни своей и предстали перед старцем.

Долго и внимательно смотрел на их лица этот сердцевед и долго не мог уразуметь, какую тайну принесли они с собой из мира.

Тогда Ор исповедовался в своих грехах и безбоязненно открыл старцу все сокровенные помыслы свои, и признался, как он был слугою врага, и рассказал о подвиге, который принял за него Агр.

Тот же, сраженный бесом, от телесной боли не имел сил говорить.

Старец созвал всю братию и велел всем молиться, чтобы воздвиглась молитва, как оружие неотразимое в брани со врагом.

Все молились. Ор же молился пламеннее всех.

И по Божьему милосердию, как бы огненный луч коснулся Агра, и должен был диавол оставить сердце его.

Но трудное брение отняло от него все земные силы, и он склонился на землю, как человек, имеющий в своих суставах смертельный недуг и во внутренностях своих пополающий пламень.

Тогда припал к нему авва Ор и спросил в великом горе и в величайшей любви:

— Отходишь, брат мой?

— Да, помолись за меня,— слабым голосом ответил авва Агр.

И стало лицо его как бы посыпано пеплом, а глаза потускнели.

Авва же Ор воскликнул:

— Поистине, не позволю тебе умереть прежде меня, но приду первым к престолу Господнему свидетельствовать о твоём подвиге и о моём грехе.

И обратился к братьям:

— Дайте мне рогожу и покрывало.

И, приняв просимое, наклонил голову и предал первый душу.

Потом через мало времени отошел и болящий авва Агр.

Братья же благодарили Творца, что сподобились умного света.

МУЧЕНИК НИКИФОР И ЕГО ДРУГ САПРИКИЙ-ПРЕСВИТЕР

В Антиохии Сирийской¹² жил некий пресвитер¹³ именем Саприкий. И имел он друга Никифора, с которым от юного возраста делился всеми радостями и печалью, и были они единомыслены и согласны во всем, как бы единым духом в двух телах обитая.

В раннем возрасте еще как-то дивились они, что вот живут без распри, в то время, как все их сверстники то ссорятся, то вновь в мир приходят.

И, желая ради шутки уподобиться другим юношам, взял Саприкий кирпич, положил между ними и сказал:

— Вот, по примеру других, я буду утверждать, что этот кирпич мой, ты же, Никифор, оспаривай и говори, что он твой.

— Хорошо,— ответил Никифор,— мой кирпич.

— Нет, нет, он мой,— воскликнул с весельем Саприкий.

— Нет, мой.

И опять Саприкий:

— Нет, мой.

Тогда не выдержал Никифор дальнейшего препирательства и говорит:

— Хорошо, брат, твой он, возьми и ступай.

Так ничего у них даже из нарочитого препирательства не вышло.

Враг же, огорченный таким их дружелюбием, долго искал, как посеять между ними смуту и разжечь огонь вражды, но ни мало в этом не успевал. И многие годы длилось их полное взаимное согласие и понимание,— даже до того, что достигли они зрелого возраста и избрали свои жизненные поприща, оставаясь в том же единомыслии: стал Саприкий пресвитером, а Никифор плотником. И разница в их житейском пути отнюдь не помешала быть им в великой дружбе.

Задумал в то время Никифор изменить свою одинокую жизнь и вступить в брак. И полюбилась ему одна соседняя девица, имеющая нрав кроткий и великое трудолюбие и склонность к большой домашней чистоплотности.

Друг его, Саприкий, очень обрадовался такому его решению.

Но диавол, давно уже ищущий, чем бы положить начало вражды между ними, внушил Никифору, что радость Саприкия имеет корысть, а не покоится на одном его братолюбии,— самому пресвитеру, мол, пришлось та девица по сердцу, а потому и поощряет он друга к задуманному делу, дабы потом принести ему зло и оскорбление.

И поверил Никифор диавольскому наставлению, и пришел в ярость и гнев. В гневе же не сумел обуздать себя, а,

напротив, — разжег свой язык на произнесение различных тяжчайших оскорблений на друга своего.

Саприкий также, подстрекаемый диаволом, в долгу не остался:

— Лжец ты и низкий человек, — воскликнул он. — И жалею я отныне о каждом дне нашей дружбы, потому что понял теперь, что всегда ты меня оклеветать был готов и унижить хотел. Сам же ты стремился к дружбе моей, чтобы похвалиться, что, будучи простым плотником, имеешь ближайшего друга пресвитера.

И еще многое говорил он Никифору. И тот отвечал ему так же гневливо и несправедливо.

А диавол радовался, что, наконец, разрушил он долгую дружбу, которая была для него нестерпима.

И вышло, что, после многих лет полного согласия и понимания, начали они как бы взаимно отрицать друг друга. И видели друг в друге все недостойное и несовершенное, добрых же свойств совсем не стали замечать.

Разжигая осуждение и гнев между Саприкием и Никифором, добился враг того, что вражда и ненависть легли некой пропастью между ними. Перестали они при встречах узнавать друг друга, и каждый из них не мог даже слышать, чтоб кто-либо упоминал при нем имя другого.

Никифор не хотел думать о своем первоначальном намерении иметь в доме жену, потому что эти мысли заставляли его возвращаться к причинам их ссоры и вспоминать Саприкия.

Но вот однажды стал он все же размышлять о случившемся, а так как в сердце его все чувства несколько остыли, то увидел он, что истинного повода к столь великой вражде ни у одного из них не было. А тогда и обвинил он во всем настоящего виновника, то есть самого диавола, подвигшего их на гнев, и на оскорбления, и на слова неприязни.

Никому, кроме как этому соблазнителю, не было пользы от того, что расторгалась их дружба. Он же мог теперь много радоваться, потому что есть ли нечто ужаснее для врага и для отца вражды,¹⁴ чем доброе единение людское?

Рассудив же так, понял Никифор еще и то, что оба они стали слугами диавола и его верными утешителями, на которых он может радоваться. Утешители же диавола суть оскорбители Бога живого.

И, ужаснувшись от мыслей этих, призвал он своих соседей, и просил их пойти к Саприкию, умоляя его о прощении и об отпущении ему всех его вин.

Пришли соседи к Саприкию и от имени Никифора низко поклонились ему, и сказали:

— Просит тебя Никифор отпустить ему вину его и быть с ним в любви, потому что не хочет он враждою тешить начальника вражды диавола.

Саприкий только раз взглянул на них и, услышав имя Никифора, отвернулся и не сказал ни слова.

И во второй раз послал Никифор к Саприкию людей, которые возвестили ему:

— Говорит Никифор: прости мне грехи мои, брат, и этим любовным прощением сокруши козни врага.

Нахмурился Саприкий и ничего не сказал.

И в третий раз пришли к нему люди и сказали:

— Именем Христовой любви просит Никифор о прощении.

Тогда Саприкий встал и молча вышел из комнаты.

Узнав об этой последней неудаче посланных своих, очень опечалился Никифор. И решил сам идти умолять о прощении.

Войдя же в дом бывшего своего друга, он пал лицом на землю и на коленях приблизился к нему, и плакал так, что лицо его было все омочено слезами. Умолял он его жалобно, и с любовью, и с огорчением, — то говоря ему от разума и доказывая, что пустая причина вся вражды их, то, зывая к чувству и напоминая, сколь великие утешения получали они от взаимного понимания и согласия.

И кончил он так:

— Единственно происками лукавого уведены мы от пути братской дружбы, а потому надлежит нам совместно восстать на врага и усилить братское единение между собою, и увеличить любовное согласие, дабы таким путем посрамить того, кто посеял вражду.

Но Саприкий не только пребывал в немоте, а даже от гнева почернел весь, потому что было ему нестерпимо видеть Никифора в своем доме.

И должен был Никифор отойти от него, не получив прощения и мира.

Вернувшись домой, подумал он, что брат его Саприкий как бы умер для него, и стал со многими слезами оплакивать душу брата.

В то время нечестивые цари Валериан и Галлиен¹⁵ начали повсеместное гонение на верных сынов Христовых, понуждая их принести жертву идолам и тем отречься от Христа и от спасения своих душ.

По царскому повелению игемон¹⁶ Антиохии Кесарийской¹⁷ также приступил к борьбе со святой верой, и стал требовать, чтобы христиане отреклись от Бога своего, принесли жертву рукотворным идолам языческим. В противном же случае обещал игемон предать их лютым пыткам и казням.

И особенно тщился он соблазнить и утешить пресвитеров и иных служителей Церкви, дабы, видя слабость своих пастырей и наставников, простой народ христианский не имел бы перед собой примера к святому мученическому подвигу, а, наоборот, начинал бы и сам колебаться и впадать в слабость.

И вот привели к игемону Саприкия-пресвитера, который безбоязненно открылся ему, что держится святой Христовой веры и почитает себя рабом Иисуса Христа.

Не скрыл от него Саприкий не только имени своего христианского, но и того, что имеет он пресвитерский сан, а

потому обязан большим ответом перед Господом, так как вручено ему попечение о душах всей его паствы. Если же больший ответ дает ему и большее право, то, с другой стороны, сан пресвитерский множит его вину перед нечестивыми императорами,— не только сам он не хочет выполнять их приказания и идолам жертвы не принесет, но и верную паству свою постарается наставить на светлый путь мученический, и в неповиновении императорам поддержит.

Услыхав такое мужественное исповедание Саприкия, пришел игемон в ярость и велел отвести его к палачам, дабы они всяческими страшными пытками добились отречения его от веры христианской.

И множество палачей терзали его тело. Сначала скребли его железными когтями, так что обливался он кровью. Потом щипцами вырывали ногти из пальцев его. Потом раскаленными прутьями жгли его израненное тело. И после каждого мучения приступали к нему:

— Нечестивый Саприкий, послушник царский. Принесешь ли ты жертву богам?

И каждый раз, изнывая от боли, отвечал им Саприкий:

— Не принесу жертвы творениям рук человеческих, не отрекусь от Творца вселенной, но мучением моим и подвигом укреплю еще многих других к стойкому исповедыванию истинной веры.

Тогда опять начинали терзать его.

По доброму желанию Саприкия, по стойкости его и по мужеству, поддержал его великой помощью Господь, и мог он вынести невыносимое и претерпеть то, чего претерпеть нет сил человеческих. И ни разу не усумнился он во Христе своим, а даже радовался, помня, что такими многими тяжелыми страданиями сплетает он себе венец мученический и нетленный.

Когда же игемон узнал, что никаким пытками нельзя заставить Саприкия отречься от христианского пути и принести жертву идолам, повелел он обезглавить пресвитера.

Обрадовался Саприкий этому повелению, потому что знал, насколько легче вынести одно короткое мгновение, когда душа разлучается с телом, чем длительные муки, претерпеваемые им.

В то время дошла весть о его мучениях и о приговоре над ним до Никифора.

Поспешил он навстречу к Саприкию, которого уже вели на казнь.

И припал к его ногам, говоря:

— Мученик Христов, прости меня.

Но даже и тут не смягчилось сердце Саприкия, и он отвернулся от своего бывшего друга.

И вновь, со многими слезами, шел за ним Никифор и кланялся ему, упавая на колени, и бил себя в грудь, не зная предела отчаянию.

— Мученик Христов,— вопил он,— прости меня. Не бери с собою в светлые Христовы чертоги гнева и ненависти. И

меня не опутывай враждой, так что не смогу я от нее освободиться даже и в вечной жизни. Прости меня, мученик Христов.

Но, произволением врага, дух Саприкия смутился яростью, и гнев затопил сердце его так, что и в великом своем мученическом подвиге стал он ослабевать, отдавая все силы свои духовные на ненависть.

А стража, ведшая его, удивлялась молениям Никифора.

— Зачем нужно тебе прощение того, кто через малое время будет обезглавлен? Итак можешь ты не бояться ни мести его, ни злых дел, потому что он скоро будет бессилен творить месть.

Но Никифор не слушал этих слов, зная, что близится Саприкий не к смерти, а к жизни вечной,— и продолжал умолять о прощении.

И вот был потоплен дух Саприкия в великой ненависти, и забыл он, куда ведут его, и не помнил уже, как нес он тяжкие испытания огнем и железом.

Видя же его жестокосердие и немилость, отступил от него единый помощник Господь, и не имел он более силы исповедывать веру свою.

А потому, придя на место казни, спросил он палачей:

— За что хотите вы меня обезглавить?

Они же ответили, что по причине непослушания царскому указу должен он быть предан смерти.

Не имея Господней помощи в противустоянии смертному страху, воскликнул Саприкий:

— Отпустите меня, и принесу вольным моим хотением жертву богам.

Тогда еще горше заплакал Никифор и стал умолять друга своего не отрекаться от небесного венца и не бояться смерти, потому что одним лишь ударом меча будет он введен в жизнь вечную и блаженную.

Но, оставленный помощью Господней и покорившийся проискам гневного демона, не стал слушать его Саприкий, умоляя палачей, чтобы отпустили они его, и шли к игемону, и просили у него милости, потому что хочет он принести жертву идолам.

То видя, стали палачи сомневаться, и решили, что можно им просить у игемона милости для осужденного, так как обещается он исполнить царское веление. И хотели уже идти к начальнику своему с этим делом.

Поняв же, что предал Саприкий мученический венец свой, и что нет ему более места в обители Христовой по причине гнева, которого он не хотел побороть,— почувствовал Никифор великую жалость к другу, который от него отвернулся, и не мог больше Никифор терпеть этой жалости,— так хотелось ему любую жертвою и любым подвигом загладить вину Саприкия перед Господом.

Тогда он кинулся в ноги мучителям и стал их умолять, чтобы приняли его на казнь вместо Саприкия, потому что

он тоже раб Христов и не хочет исполнять царского веления, и не принесет жертву идолам,— идола суть деяния рук человеческих*¹⁸,— и он глумится над ними и попирает их.

И так поносил Никифор веру языческую, столь мужественно и безбоязненно исповедовал Владыку своего Христа, что пришли мучители в великую ярость. Желая же наказать исповедника, послали они одного из своего числа к игемону, чтобы рассказать ему о случившемся и просить повеления казнить Никифора.

И вскоре вернулся посланный, неся Никифору смертный приговор.

Мученик был этим приговором обрадован, потому что надеялся смертью не только себе сплести венец Царства, но и испкутить слабодушие друга своего, о котором болел его дух.

ЕДИНОДУШНЫЕ БРАТЬЯ

В великой киновии,¹⁹ находящейся в Фивейской пустыне,²⁰ все братья положили между собою жить в соборном согласии²¹ и совершать все подвиги свои, как бы складывая их в общую сокровищницу, дабы и после смертного часа вместе отвечать им перед Судьей и совместно разделить участь, уготованную им Господом за жизненный путь.

И не было между ними ни несогласия, ни распри, а жили в великой любви.

Но Господь и в этом соборном единении умел различать призвание братьев. А потому некоторые совершали свой подвиг как молчаливники, не рассеивая духа излишними человеческими речениями, некоторые с дерзновением молили Бога о милости и умели смягчать свои души благодатными слезами, иные же имели мудрость поучать братьев праведному пути и целили душевные недуги. Иным были дарованы великие дары прозорливости, и читали они в книге Господней. Наконец, были и такие, что, по причине простоты ума и сердца, не дерзали предстоять божественному престолу, а смиренно несли труд на пользу братьев, распахивая поле и собирая урожай пшеницы. Они же убирали храм и пекли хлеба, на их руках были стада овец, им нужно было рубить хворост для топки.

Но все, кроме одного, имели свое пребывание в великой киновии, не развлекаясь мирскими делами.

Один же, занимавший должность Апокрисиария,²² то есть главного хозяина монастырского, был обязан заботиться о всех делах, продавать на городских торжищах рукоделие братьев и на вырученные деньги покупать для монастыря все необходимое.

И случилось так, что имея дело с миром, допустил он в сердце свое мирские помыслы и желания. На торжищах

торговался и хотел получить высшие цены за рукоделия, и купить все хотел по низким ценам. Так, непрестанно памятуя о нуждах братьев, стал он незаметно скупым и сребролюбивым.

В то время отошли из земной жизни к небесной два молчальника. И встали около престола Господня, как предстоятели²³ за своих братьев.

А по прошествии нескольких дней, Апокрисиарий отправился в город на торг. Там же, пользуясь неведением одной женщины, неправильно дал ей сдачу с заплаченных денег. Потом утаил еще найденную золотую монету. И, совершив эти два злых дела, радовался, что повели они к приобретению, потому что очень пристрастился он к золоту и всякому богатству.

И один из братьев, имеющий дар провидения, узнал об этих поступках Апокрисиария и с большой печалью рассказал другим братьям об узнанном.

А далее узрел он, что, совершая обратный путь из города, заблудился Апокрисиарий в пустыне, и напал на него лев, и вот хочет лев пожрать его.

Это свое видение также поведал пророк братьям.

А что открыто верным рабам Божиим, то не может быть тайной для Господа, видящего все сокровенное.

С высоты Своего престола наблюдал Господь за делами Апокрисиария и указал на эти дела предстоятелям молчальникам.

И пали молчальники перед престолом и молили Владыку, чтобы Он позволил льву растерзать недостойного брата, мысля, что такой мученической смертью искупит он грех свой и не будет иметь впредь возможности грешить.

Пророк же, в киновии пребывающий, со всяческим дерзновением заступился перед Господом за согрешившего, моля избавить его от лютой смерти и обещая великими подвигами всех братьев искупить его грех.

И к молитве его присоединились все обитатели киновии.

Так было сильное прение между живыми и почившими единокровными братьями. И внимал этим прениям Господь, зная, что и те и другие с одинаковой любовью пекутся о душе согрешившего.

И, выслушав все моления, повелел Господь:

— Да будет по воле живущих, ибо вы, опочившие, избавлены от заботы и беды, и приобретен вами покой и свет. Живущие же находятся в труде и несут всяческую тяготу. А по причине этой тяготы не могу Я отказать на мольбу их.

И по воле Господней отошел лев от Апокрисиария, и мог он свободно продолжать свой путь, пока не достиг киновии.

Братья же встретили его с любовью и веровали, что по силе молитвенной отпустил ему Господь прегрешения.

Когда же прошло некоторое время, случился в монастыре великий недостаток во всем. Так, что даже продав в городе на торге рукоделия братьев, Апокрисиарий не имел достаточно денег для покупки самых необходимых вещей.

И был он этим очень огорчен.

Не полагаясь же на Господа, который один питает неимущих, веровал он лишь в недостаточные силы человеческие. А потому соблазнился.

Увидел он, что сосед по торжищу отошел от своего места, забыв кошелек с золотом, И взял тайно этот кошелек. Когда же пропажа была обнаружена, то сказал Апокрисиарий, что видел грабителя и указал на одного человека, что это он.

Потом купил он на украденное золото все нужное и, погрузив купленное на ослон, отошел в монастырь.

Достигнув же киновии, он вскоре почувствовал себя больным и умер.

И увидали братья, что лицо у мертвого стало черным, как сажа из котла.

Провидец же опять уяснил им, какой грех совершил Апокрисиарий, и впали братья в большое горе, потому что не знали, какими молитвами спасти им согрешившего от рук врага.

Авва же великой киновии сказал:

— Надо нам помнить, что для нашего успокоения и безмолвия, для облегчения нашего иноческого подвига принял он трудную дорогу среди мирских дел. А потому,— если кто из нас обрел силу,— обретена эта сила ценою слабости брата. Если кто научился молиться,— ценою жизненной суеты брата научен он. Если кто достиг высоты,— ценою его падения достигнуты эта высота. В единой сокровищнице всех дел и помыслов наших сложены и все подвиги наши, и все грехи Апокрисиария. Итак, надо нам иметь дерзновение перед Богом.

Тогда позвал Господь братьев на великий суд. И вступили они в борьбу с дьяволом и слугами его.

Один же их слуг дьявольских поднялся перед престолом и сказал:

Никто не смеет назвать бывшее небывшим.²⁴ Вот я свидетельствую, что ценою многих усилий соблазнил я умершего на совершение кражи и этим приобрел его душу владыке моему.

И все демоны зашумели обрадованные.

Авва же монастырский ответил:

— Так,— никто не смеет назвать бывшее небывшим. Вольным соизволением уступил нам брат Апокрисиарий царский путь подвижничества и спасения. На себя же принял все стрелы соблазняющих врагов. Так совершил он во имя братского обета и во имя братской любви. Воистину в падении его виновен каждый из нас, потому что ценой этого падения очищал он нам путь подвига. Итак, Владыка, суди нас всех за содеянное.

И простил Господь согрешившего. И демоны отступили от престола. Князь же тьмы был посрамлен братской любовью.

Очнувшись же от восхищения, увидели братья, что лицо покойного просветлело.

Тогда предали они его погребению.

ВИТАЛИЙ-МОНАХ

В то время, когда патриархом Александрийским был Иоанн Милостивый,¹ в пустыне египетской подвизался монах, по имени Виталий. Много лет обитал он в оставленной гробнице и питался травой, собирая ее тут же на склонах. Даже рукоделием не развлекал он духа, а пребывал всегда в богомыслии и молитве, уделяя только два часа в сутки на отдых.

Достигнув же преклонной старости и поднявшись на большую высоту богопознания, был он как бы совсем лишен страстей земных. Огнем молитвы погасил плевелы² душевные, постом сковал грешную плоть, созерцанием небесного ослепил себя к созерцанию земных благ.

И когда достиг он совершенной любви к Господу, то было сердце его пронзено жалостливой любовью к ближнему своему,— скорбящему³ человеку. Но меньше он думал о тех, кто идет великим и трудным путем подвига, потому что всегда престояли его духовному оку те, кто подвига не знает, а влечется несвободным путем греха. Почувствовал он тяжелую плоть мира, и заболело сердце его мукою уязвляющей об человеческом падении.

Тогда, по слову Апостола, захотел он для всех стать всем,⁴ чтобы спасти хоть некоторых.

И было это слово апостольское указанием его сострадательному сердцу, что лежит дальнейший путь его в мир. Мир же пребывает во зле.⁵

Начал он из пределов своей нищей пустыни оплакивать богатые города, ночуя под каменным сводом гробницы, молился за тех, кто живет во дворцах,— питаясь травой, жалел вкушающих мясо и елей. Неимущий монах соболезновал миру, копящему великие богатства. Потому что перед единой жемчужиной все жемчужины мира не имеют цены.⁶

Всего же сильнее был уязвлен он мукой о грехе. И по причине греха имел он к миру такую жалость, что не мог уже оставаться в пустыне на молитве. Пребывая в пустыне, был он единым сытым среди многих голодных,— и это было небрежением мирскую скорбь.

И когда созрела в сердце его эта любовная жалость и стало ему не по силам носить в себе зрелый плод ее, то решил он искать воплощения любви и применения жалости.

Оставив гробницу, в которой жил, ушел Виталий из пустыни в город Александрию.

Так оставляет жнец дом свой и, взяв серп, выходит на жатву. И было ему в то время более, чем шестьдесят лет.

В Александрии же, не имея чем пропитаться, стал он

работать на пристанях, выгружая заморские товары с приходящих кораблей и нагружая пшеницу на отходящие.

Работать надо было во все дни, кроме праздников Господних, от восхода солнечного и до заката. И нельзя было бросить работы, не взирая ни на дождь, ни на летнюю жару. Тюки же с товарами и мешки с пшеницей были тяжелы, работники не очень жалели его старость и часто смеялись над его слабосилием. И малой платой оплачивался труд.

Помимо же этого людской крик и шум разгружаемых кораблей, брань рабочих, песни корабельщиков, ссоры торговцев,— все сильно мешало молитвенному общению с Богом, налагая на это общение цепи земных тягот.

Так проводил Виталий-монах свои трудные дни в Александрии.

Но та работа, для которой оставил он пустыню, начиналась лишь вечером и длилась до утра.

С первого дня не пренебрег он ею, а как горячий и искусный ловчий вышел на охоту.

Нагрузив муку со многих возов на корабль и получив от хозяина плату за день труда, пошел Виталий в ближайший притон,— один из многих, которыми изобилует город.

И встретили там старца веселые женщины, имеющие запястья и кольца на руках и яркие губы, и набеленные лица, и черной краской наведенные брови.

И музыка играла в притоне том, и гости все были пьяны и веселы, потому что были они все — корабельщики, не видавшие давно берега.

Одна из женщин подошла к Виталию и повела его с собой.

Он же не противился ее приглашению, потому что и пришел для нее.

Но, оставшись с нею наедине, стал плакать и печалиться.

Тогда она смутилась и спросила его, чем он недоволен.

Сказал ей Виталий:

— Только собой недоволен я. Вот многие годы украшал я мою душу перед Вседержителем и моим Господином Богом. И не имел я той тщательности в украшении души, какую ты имешь в украшении лица и тела. Однако, не единого Властелина неба и земли ждала ты, но даже не знала, кто будет ныне твоим гостем, и не придет ли к тебе самый ничтожный из всех ничтожных мира. Итак, для меня, последнего раба Господня, трудилась ты больше, чем я для самого Господина.

И посмеялась женщина его словам, желая скрыть уязвленность ими.

А он дал ей монеты, полученные от хозяина за работу, и сказал:

— Сотвори мне милость: прилагая ежедневно так много труда к приему незнатных гостей, приложи хоть сегодня малую долю заботы, чтобы принять в душу свою Владыку. И не пускай к себе никого иного.

И сказав это, воздел Виталий руки и начал молиться. И

женщина не легла до утра на свое ложе, но сначала удивленно внимала его молитве, а потом и сама, пав на колени, со многими слезами молилась и плакала, потому что вдруг поняла она, в какой тяжести проходят дни ее и в какой тьме пребывает дух. И были эти слезы для нее как дождь в безводной пустыне.

Наутро Виталий покинул ее, умоляя, чтобы не говорила она никому, как прошла эта ночь.

Потом, потрудившись весь день у кораблей и получив за труд плату, пошел он в иной притон. И другая женщина пригласила его следовать за собой.

А по причине большой молодости была она очень жалостлива еще и стала печалиться, что гость ее имеет усталое лицо и должен трудиться, несмотря на большие годы.

Виталий же рассказал ей о трудностях пути отшельнического, — и о ночном бдении, и об изнурении тела постом, и о непрестанной молитве, и о дикой пустыне, о жестком ложе в гробничной пещере говорил он, — и сравнивал, сколь многим труднее путь этой женщины. Потому что в пустыне подвигом подымаешься из степени в степень и молитвой покоряешь могучего врага, а в притоне этом от ночи к ночи снижаешь путь духа и поддаешься сильнее искусителю и его слугам.

Так сказал он:

— Если камень бросать на вершину горы, то, преодолев сопротивление воздушное, он ослабляет все время трудность и быстроту полета. Так и мы ослабляем силу наших трудов, — пока не успокоимся на вершине. Камень же, брошенный вниз с горы, летит все быстрее и быстрее и своею тяжестью как бы увеличивает быстроту и трудность полета. И нет этому полету конца, пока не докатится он до дна пропасти.

После же долгой беседы опять начал молиться Виталий и громким голосом, проникновенно, произносил слова, зажигая душу женщины молитвенным восторгом. Когда же загорелась душа ее, то вслед за ним стала она повторять слова и била себя в грудь, и поручала свою грешную душу Творцу.

И в следующую ночь, и во все ночи, наступающие после великих трудов телесных, ходил Виталий в различные притоны.

Узнал он все тайные помыслы всех веселых женщин, обитающих в Александрии, — какая по нужде и по слабости пошла служить веселью, а какая пошла потому, что эта жизнь для нее желанна, — и какая нудится и горюет от своих неправедных ночей, а какая в разгуле находит радость. Мерию горю, греху, слабостям и желаниям узнал Виталий.

И все сильнее уязвлялось сердце его любовной жалостью. Плачущих о совершаемом жалел он, потому что вот узнали они единую бесценную жемчужину чистоты,⁷ но не могут владеть ею. Тех же, кто не плачет, а ликов, жалел он еще более, — так как в ослеплении своем не знают они даже об единой жемчужине.

Но для всех их он был по слову Апостола всем.⁸ А все

они за многие годы впервые увидели около себя человека. И человек этот — Виталий-монах,— плакал об их грехах и молился о прощении им, и скорбел, как бы отвечая перед Господом за потерянных овец единого людского стада.⁹

Они же знали, что ничего он от них не ждет для себя и ни в чем для себя не нуждается, движимый единственно отцовской жалостью и братской любовью.

И все тайны свои, самые сокровенные, и помыслы, и обиды, и желания, поверяли ему женщины, и делали его как бы соучастником своей тяготы.

Вскоре все жители Александрии стали говорить, что монах, пришедший из пустыни, вносит великий соблазн в их жизнь, потому что живет недостойно.

Был иноком,— и стал навсегда притоном. И богомудрие заменил беседами с теми, кого почитают падшими. И от обетов монашеских отрекся.

Так мир возгнушался им, презрел его, соблазнился о нем, и покарал его осуждением.

И только когда во время работы слишком громко смеялись над ним другие работники, и показывали мимо идущим, и спрашивали, в каком притоне оставил он плату за работу предыдущего дня, Виталий говорил:

— Народ Александрийский, не осуждай никого прежде времени, пока не придет Господь,— сам Судья праведный.

Но они не слушали его слов, а продолжали смеяться.

Лишь патриарх Иоанн Милостивый не имел веры к людской клевете и не множил собою числа соблазненных, ожидая, чтоб не людская молва произнесла осуждение, а совершился Господен суд.

А женщины помнили, что просил он их молчать, и строго хранили это запрещение.

Когда же пришел к Виталию смертный срок, то нашли его коленопреклоненным, с лицом, имеющим на себе печать дивного света. Как бы изливалась божественным озарением на лицо его вся любовь и жалость, которую он принес в мир.

И со всех концов города, ото всех притонов, пришли поклониться его телу женщины, получившие от него столь небывалое утешение и столь великую любовь. И были облечены они в темные одежды, и имели волосы покрытые, и плакали,— потому что не было для них среди всех жителей Александрии иного, кого они могли бы именовать человеком и братом.

А так как со смертью праведника и запрещение его потеряло силу, то в великой любви поведали женщины, как в молитве и псалмопении, и в слезах, проводил он у них ночи свои, тем самым подымая на себя тяжелый труд и непомерный подвиг, а их уча слезам, и молитве, и покаянию. И говорили они, что нет цены жалости его и нет меры любви его.

Тогда и весь народ Александрийский понял, что глумился над праведником и поносил сострадальца.

ПЕТР, СБОРЩИК ПОДАТЕЙ

В царствование Юстиниана Великого¹⁰ жил в Африке богатый и именитый человек по имени Петр. Был он сборщиком податей и, имея всегда дело с человеческим богатством, возлюбил он его более, чем даже спасение своей души. Все блага земные и небесные мерил он на золото и золоту одному, как рукотворному идолу,¹¹ поклонялся.

Об этом великом его грехе знали все жители города. Особенно хорошо знали те, кто по причине недостатков или каких-либо случайных несчастий и злключений не могли в срок внести подати в казну. Долг их он взыскивал без всякой пощады, полагая, что человек, не умеющий скопить богатства, не достоин сострадания. Души людские мерил он, как и все, только богатством человеческим.

Но самой дурною славой пользовался Петр среди нищей и убогой братии. Никогда ни один, просящий подаяния, не видел щедрости Петровой.

И вот однажды за стенами города собрались слепцы и калеки, хромые и убогие, и стали беседовать о тех своих благодетелях, доброта которых не оскудевает.

Слепой старец очень восхвалял женщину одну, вдову знатного гражданина, — говорил, что в канун каждого праздника Господня принимает она в свой дом всех странных, и успокаивает, и питает их.

Другой убогий рассказывал, что начальник городской стражи делит десятую часть своих доходов между неимущими и в дележе этом по справедливости никого не забывает.

Два отрока, лишенные родителей, показывали новые одежды, сшитые им руками одной богобоязненной девицы.

И так, перебирая имена всех имущих граждан, нищая братия увидала, что от каждого из них они имели пользу и успокоение, смотря по богатству их или по усердию. Только никто не мог припомнить, чтобы Петр, сборщик податей, оказал кому-нибудь хоть самую малую милость.

Тогда один человек, имеющий сухую ногу, поспорил, что не далее, как до заката солнца, он выпросит у Петра подаяние.

Но на его слова мало обратили внимания, а некоторые даже смеялись над ним, потому что жестокосердие Петра было всем хорошо известно.

После этого спора нищие покинули городские стены и пошли к церквям, желая собрать себе там на пропитание.

Тот же хромой, который хотел получить милостыню от Петра, направился к его дому и стал стучаться в ворота.

Привратник на стук приоткрыл двери, но увидя, что это стучится нищий, сказал ему:

— Разве ты не знаешь, что господин мой никому не подает? Ступай дальше, и Бог подаст тебе.

Но нищий не отошел от дома Петрова, а сел на землю и стал ожидать.

Вскоре ворота открылись и сам Петр, сборщик податей, вышел на улицу, сопровождая осла, груженного многими хлебами. Должен был он доставить эти хлеба в дом правителя страны, а потому не поленился сам погонять осла.

Нищий поспешил за ним, как позволяла ему его сухая нога, и стал горестно и слезно умолять, чтобы дал ему Петр хоть один хлеб из многих, которые он вез.

Но Петр погонял осла и не слушал его молений.

Когда же нищий, поспешая за ослом, запнулся о камень и упал, то Петр громко рассмеялся и опять ударил осла.

— Перед небом и землей мы должны отдать Богу отчет во всей своей жизни,— подымаясь сказал старец,— а ты смеешься.

И вновь начал именем Божиим просить подаяния.

От его слов сильно ожесточился Петр, и лицо его стало яростным.

Не имея под рукой камня, в гневе схватил он один хлеб и кинул его в лицо хрому, так что на виске того выступила кровь, и он, шатаясь, опустился на землю.

Однако подаяние, хоть и не доброй волей данное, он получил и, взяв хлеб, отправился к своим друзьям, чтобы похвалиться удачей.

Те сначала много дивились, но, заметив рассеченный висок хромого, а также выслушав весь его рассказ, стали смеяться над жестокостью Петра и над упорством своего товарища.

Петру же в ту ночь привиделся сон. Видал он себя в большом и светлом покое. По правую руку его стояли светозарные и великие мужи, облеченные в белые ризы и имеющие ясный взор. По левую же руку стояли черные мурины,¹² мятущиеся и не находящие себе покою.

И совершался суд над грешной душой Петра, сборщика податей.

На огромную чашу весов клали черные мурины грехи его. Вот последнее достоинство вдовицы, взятое за недоимки, и слезы детей ее. Вот виноградник земледельца, не имеющего чем заплатить подать по причине большого градобития. Вот голод и усталость странных, которых он отогнал от своего дома, не насытив и не успокоив. И еще, и еще добавляли мурины на чашу весов, потому что не было конца грехам Петровым.

Светозарные мужи стояли очень смущенные и не имели что положить.

И только один приблизился к весам, держа в руках большой хлеб, слегка запачканный кровью. Был это тот хлеб, что не волею своею дал Петр в подаяние старцу.

И вот этот, не волею данный хлеб, решил на время участь Петрову. Приговор над ним не был произнесен, душа его не была вручена черным муринам, а был дан ему еще некоторый срок земной жизни, чтобы мог он покаяться.

В большом смущении и страхе проснулся Петр наутро. Понял он, что приблизился к великой опасности и что мало ему времени даровано для трудного и длительного дела спасения души.

Восстав, вышел он из своего дома и у пристани увидал нагого человека, потерявшего все свое имущество во время кораблекрушения. Человек это просил подаяния.

Снял Петр со своих плеч богатый плащ, расшитый золотом и камнями, и с сердечной радостью отдал нищему. После этого возвратился домой.

Человек же, просивший подаяния, увидел, что плащ этот имеет большую цену, пошел на торжище и обменял его у торговца на скромные одежды и на хлеб, получив в придачу несколько денег.

И случилось Петру в тот же день проходить мимо лавки купца. Увидал он свой плащ, вывешенный для продажи, и очень опечалился, подумав, что по грехам его не хочет Господь принять от него милостыни.

Так, опечаленный, вернулся он в свой дом.

А ночью был ему опять сон. Увидел он блистающего отрока, лик которого был преисполнен света и красоты. И был отрок облечен в плащ Петров.

И спросил отрок Петра:

— Отчего происходит твоя печаль?

— Господин,— ответил Петр,— недостоин я даже поделиться избытком своим с нищим. По грехам моим Господь не принимает подаяния. Вот дал я свой плащ нагому, а тот не захотел принять его и отдал для продажи на торг.

— Петр,— сказал блистающий отрок,— узнаешь ли ты плащ на Моих плечах?

— Так, Господин, узнаю.

— Знай, Петр, что дающий одному из малых сих,¹³ Мне дает, потому что нищие и убогие суть вельможи Мои, и доверенные Мои, которых Я к Себе приблизил.

И обрадовался Петр этим словам, и в радости стал плакать и молиться.

Наутро же, проверив все свои помыслы, узнал Петр, что больше он не может жить так, как жил до этого сна.

Радуюсь и плача о новом рождении своем, решил он все дальнейшие дни посвятить милосердию и смирению.

Стал он раздавать свое имущество нагим и нищим. И много удивлялись жители того города перемене, происшедшей в нем. Убогие же и обездоленные вскоре стали почитать Петра своим отцом.

Богатые и плодоносные виноградники продал Петр, а золото, вырученное за них, роздал в воскресение собравшимся около храма.

Стада свои продал, а на полученные деньги одел и накормил многих.

Дом родительский со всеми принадлежащими строениями,

и с конюшнями, и с садом, и со всею утварью богатой,— все продал Петр, чтобы было чем оделять нищую братию.

Рабов своих отпустил он на волю,— всех, кроме одного. И, отпуская, давал им деньги и имущество, так, что могли они начинать вольную жизнь не непомерным трудом, а как граждане, имеющие достаток.

Наконец, из всех богатств, накопленных им за долгую и скупую жизнь, остался у него только один раб.

Призвал Петр этого единственного раба, и спросил его:

— Обещаешь ли ты мне исполнить последнюю мою волю?

И раб обещал.

— Пойдем вместе в град Божий Иерусалим, поклонимся гробу Господню, а потом ты должен продать меня какому-нибудь христианину в рабство. Деньги за продажу мою раздай нищим. Сам же будешь свободным. И одно, что я прошу тебя,— это,— должен ты сохранить все дело в тайне.

Но раб смутился и ответил:

— Господин мой, Петр, сопровождать тебя ко святому Гробу велит мне мой долг и это совершу я с радостью. Но продать господина своего в рабство почитаю я грехом и такого дела не сделаю.

Но Петр на это сказал:

— Выбирай сам. Или ты продашь меня, или я продам тебя язычнику.

Увидя такую твердость своего господина, раб согласился исполнить все по его желанию, и вместе сели они на корабль, отплывающий ко святым Местам.

Прибыв туда, Петр долго молился и слезно каялся в прежней своей жизни.

После этого вывел его раб на торг.

И встретился им там богобоязненный муж, по имени Зоил, занимающийся изделиями из серебра.

Раб стал уговаривать его купить Петра.

Но тот отказался, не имея достаточно денег.

— Купи этого человека, а для расплаты займи золота у своих друзей,— сказал раб,— потому что Господь благословит все дела твои его молитвами.

Зоил согласился и, найдя достаточно денег в долг, уплатил рабу тридцать монет, а Петра повел в дом свой.

Раб же, раздав нищим деньги, полученные за его господина, отплыл в Царьград и никому не сказал, куда исчез Петр.

В доме Зоила работы было много, потому что в большом хозяйстве его за всем надо было доглядеть.

Петр чистил хлева и выносил навоз, копал огород и убирал в доме, стряпал обед,— старался всем угодить и покорно принимал все приказания.

Делал он работу, ранее ему непривычную, и не жаловался на ее трудность. По старанию же и рачительности все в руках его спорилось.

Стал Зоил замечать, что богатства его умножаются, что

серебряные изделия находят большой сбыт, что, действительно, благословил Господь дом его молитвами Петра. И тогда он очень полюбил Петра и много раз предлагал отпустить его на свободу, чтобы был Петр не рабом ему, но братом.

Но Петр отказывался от этой милости и продолжал свой подвиг добровольного отсечения воли.

Однажды приехали в Иерусалим серебряных дел мастера из родного города Петра, находившегося в Африке.

Были у них торговые дела с Зоилом, и тот пригласил их к себе в дом.

Петр должен был прислуживать за столом.

Увидев его, сограждане удивились и стали шептаться, как этот раб похож на именитого и знатного Петра, сборщика податей. Заметив же их взгляды, Петр старался руками прикрыть лицо свое, чтобы не быть узнанным, и очень смутился.

Когда же он вышел из комнаты, один из гостей сказал Зоилу:

— Знаешь ли ты, господин Зоил, кто этот раб твой? Был он в нашем городе именитым человеком, и до сих пор оплакивает пропажу его правитель нашей страны, по причине того, что он очень любил его и почитал. Итак, отпусти его с нами на родину, чтобы мог он продолжать свою прежнюю работу на пользу всем жителям города и страны.

Зоил немало удивился и с радостью согласился отпустить Петра.

Тот же, сменив блюдо, стоял в это время у дверей и слышал весь разговор. Поняв, что он узнан, и что более скрываться здесь нельзя, он поставил блюдо у двери и решил уйти.

Подойдя к воротам, он встретился с привратником, — человеком, бывшим глухонемым от рождения. Забыв об этом недуге привратника, Петр в большом волнении, как бы горя весь, сказал:

— Брат, именем Господа Иисуса Христа, отвори мне ворота.

И привратник, затрепетав, ответил:

Так, господин, исполню тотчас же слово твое.

Выйдя на улицу, Петр быстро побежал и скрылся. С тех пор его никто не видел.

Привратник же, громко хваля Господа, кинулся в дом своего господина.

— Поистине, — говорил он, — раб, именуемый Петром, был раб Божий. Потому что услышав его слово, обращенное ко мне от Христова имени, увидел я как бы огненный меч, исходящий из уст его.¹⁴ И огонь этот коснулся моих уст, — и я заговорил.

Тогда Зоил и гости его поняли, что великий праведник служил им и, встав, возблагодарили Бога, являющего силу свою среди верных своих рабов.

СЕРАПИОН-СИНДОНИТ

Много лет скитался в Египте инок Серапион, обходя города и села, монастыри и пустыни. И было ему прозвание Синдонит по причине того, что не имел он никакой собственности, ни одежды, кроме единого ветхого и дырявого синдона,¹⁵ то есть плаща, которым он и прикрывал наготу своего тела.

Кроме этого единого синдона, обладал Серапион небольшим Евангелием, с которым не расставался, предаваясь во время путевых отдыхов чтению слова Божьего.

И так был нищ Серапион, что начал весь мир своим домом почитать, и все богатства мирские, по причине их равного удаления от Серапиона, были для него равноценны и равнобезразличны.

В такой совершенной нищете скитался он по всему Египту, нигде не задерживаясь долго, везде получая пользу от людей и давая людям немалое утешение своим богомудрым словом.

Однажды, проходя по улицам Александрии, встретил Серапион нагого, не имеющего даже старого и рваного синдона, какой был у него. Увидя впервые человека еще более нищего, чем он сам, Серапион снял свой плащ и отдал неимущему.

А сам удалился в пустыню, не желая оставаться нагим среди городской толпы.

Там встретил он инока, который спросил его:

— Авва Серапион, кто обнажил тебя?

Тогда он ответил, указывая на Евангелие, — единственное свое имущество:

— Это слово обнажило меня.

По прошествии некоторого времени доставили братья ему другой синдон, еще более дырявый и ветхий, чем тот, который он отдал.

И вновь пошел Серапион в Александрию.

По дороге увидел он, как стража ведет в темницу человека, не имущего чем расплатиться со своими должниками.

Единственным достоянием обладал Серапион — книгою Евангелия.

Итак, пошел он и продал Евангелие, и догнал человека, ведомого в темницу, и вручил ему вырученные деньги, дабы мог он расплатиться с займодавцами и быть свободным.

Вернувшись в пустыню, встретил он братьев, которые опять приступили к нему с вопросом:

— Авва Серапион, куда дел ты свое Евангелие?

Он же им ответил:

— Я продал слово, которое научило меня: продай имение свое и раздай нищим.¹⁶ Итак, единственное имение свое я продал, чтобы дать неимущему.

Имея теперь только единый ветхий плащ, чтобы прикрыть наготу, сел Серапион на корабль и отплыл в Грецию.

Достигнув города Афин, он три дня пребывал там без пищи, потому что никто не подал ему ни куска хлеба.

На четвертый день, выйдя на площадь города, он громко заявил мимо идущим гражданам:

— Помогите мне, потому что имел я трех заимодавцев, терзавших меня. И вот двое из них отступили и дают мне покой. Третий же продолжает докучать мне и требует моего долга.

И так долго говорил он о заимодавцах своих, что остановилось около него множество народа, желая понять, о чем идет речь.

А среди этого народа было несколько именитых греческих философов, которые просили его объяснить, о каких заимодавцах говорит он, дабы могли они ему помочь.

Он же ответил им:

— Три мои заимодавца именуются: похоть, сребролюбие и чревное угодие. Вот первых двух смирил я так, что не дерзают они более приступить ко мне и требовать того, что считают своим. Третий же заимодавец не поддается ни на какие увещевания и жестоко терзает меня, чтобы я заплатил ему мой долг. Вот уже четвертый день требует он от меня удовлетворения.

Тогда философы начали тихо говорить между собою, что, наверное, этот человек лстец и обманщик. Станными показались им слова Серапиона о заимодавцах, и не поверили они, что он уже четвертый день ничего не ест.

А дабы узнать истину и понять, какой человек стоит перед ними, дали они ему целую золотую монету, а потом стали следить, что будет он делать.

Получив деньги, пошел Серапион в пекарню, положил на стол монету, взял небольшой хлеб, стоящий гораздо меньше, и ушел, не вопрошая о сдаче.

По дороге начал он вкушать от купленного хлеба, утоляя свой длительный голод.

Тогда философы убедились, что не лстец Серапион, а воистину голодный бессребреник, даже не знающий цены деньгам. Они взяли у пекаря то лишнее, что дал ему Серапион, и хотели догнать его, чтобы вручить ему этот остаток, но уже нигде не могли его найти.

Он же, оставив людные улицы, удалился к городским стенам и там прилег, желая отдохнуть.

Подремав же немного, он очнулся от громкого детского крика и увидел, что около него несколько детей занимаются игрою, не обращая на него никакого внимания.

Стал Серапион присматриваться к ним.

Среди множества обратил на себя внимание старца один отрок, все время будто смущенный и боящийся предаться игре с полным одушевлением.

Другие дети, видя, что он имеет в руках забавную сопелку, приняли его в свое общество, но потом, отнявши забаву, прогнали его от себя, говоря, что зазорно им иметь товарищем сына скомороха.

Тогда отрок убежал и скоро вновь возвратился, принеся бубенцы, нанизанные на пеструю ленту.

И вновь другие дети стали к нему милостивы, пока не получили от него ленту с бубенцами. Поделив же их между собою, они начали бить их хозяина и вновь сказали, что им, сыновьям почтенных граждан, неприлично иметь общение с сыном скомороха.

И так много раз видел Серапион, как сын скомороха был то принимаем в игру, то отвергаем другими детьми.

Помимо же самого этого обстоятельства, поразило Серапиона то, что имел этот отрок лицо, не по-детски печальное и ласковое, что так смиренно принимал он побои, уступая другим свои детские забавы, а главное, поразившее Серапиона,— была особая какая-то сонливость и бледная одутловатость отрока, будто долго он не спал или не дышал свежим воздухом.

Когда же вечером разошлись все дети, Серапион проследил, где живет отрок, так удививший его.

Только несколько домов пришлось ему миновать и в соседнюю улицу завернуть, сопровождая отрока.

Там был его дом.

По причине знойного вечера были все двери и окна дома этого открыты, и яркий свет освещал внутреннее его убранство и всех людей, бывших в нем.

Облокотившись на ограду, мог Серапион видеть, как живет семья скомороха.

Сам скоморох, казалось, был не совсем трезв. Он нетвердо стоял на ногах и чистил свою флейту, уже почти совсем одетый в скомороший наряд. За работой он продолжал отпивать красное вино из стакана, стоящего на столе, и откусывать от большого куска хлеба, на котором лежала соленая рыба.

Жена его, тоже уже одетая в пестрые тряпки, убирала со стола и сметала сор.

И так же пестро была одета дочь скомороха. Она стояла у окна, держа перед собою зеркало и подводя брови.

Увидав вошедшего отрока, скоморох очень сильно рассердился на него, что он заставил всех ждать, и даже ударил его по щеке.

Мать же велела ему скорее есть и одеваться.

С большой поспешностью скинул отрок свои обычные одежды и начал натягивать скоморошьи пестрые лоскутья. Мать сунула ему хлеб с рыбой и налила стакан вина.

Вскоре свет в доме погас, и вся семья вышла на улицу, спеша на работу.

На плече отрока сидела обезьяна, тоже пестро одетая.

Серапион пошел за ними и всю ночь старался не отставать от них.

Везде, где собирались богатые купцы или веселые корабельщики, скоморох останавливался и начинал играть на флейте. Жена его пела, отрок показывал различные фокусы, а дочь собирала плату, стараясь приятными улыбками понравиться зевакам и тем заслужить большее количество монет.

Им дарили мелкие деньги, угощали вином, а иногда дразнили, говорили грубые слова и обращались непристойно с молодой девушкой.

Но на грубые слова они так же улыбались и кланялись, как на вино и подаяния. И только мать хмурила брови, видя приставание гуляк к дочери.

К утру вся семья скомороха имела вид очень усталый. Сам скоморох был уже сильно нетрезв и не всегда мог вовремя сказанным словом указать место пьяным гулякам, когда они подходили к его дочери.

Дочь же продолжала им улыбаться, стараясь не замечать непристойностей и помышляя только о том, что так повышается их заработок.

Вместе с ними на рассвете вернулся Серапион к их дому. Они легли спать, а он остался у ограды, ожидая когда они проснутся, чтобы иметь с ними беседу.

И в этом ожидании задумался Серапион о многообразии человеческих жизней. И показалось ему, что в семье скомороха есть свой подвиг и своя тяжесть, которая не легче, чем тяжесть в других семьях. Но помимо того, что в тяжести обще всем людям, есть у них и нечто, что и не у всех людей бывает.

Чужому веселию и чужому разгулу служить может быть и труднее даже, чем чужой печали и чужой тяжести. Особенно трудно это, имея около себя молодую дочь и отрока сына, потому что в веселии люди еще более несдержанны, чем в печали.

А главное,— очень трудно помнить Бога и путь Господен, бродя по ночным притонам и зарабатывая хлеб свой от гуляк и пьяниц. Нужно неустанное памятование и всегдашнее попечение о душе своей, чтобы не оступиться.

И вот сам скоморох предан вину, а потому близится к гибели. Жена его терзаема печалью и бессильной усталостью. Дочь стоит на скользком пути услужения чужим порочным желаниям. А сын приобретает излишнюю ласковость и покоряется всякому злу.

И вместе с тем не по духу своему причастна семья скомороха этим недобрым началам, а исключительно внешними обстоятельствами жизни влекома она и, вместе с тем, нет около нее никого, кто мог бы быть ей опорой на добром пути.

Так мысля, решил Серапион, что нужна им и его слабая помощь, а потому днем, когда вышел скоморох за ограду, приступил он к нему с такими словами:

— Вижу я, господин, что многими трудами ты и семья твоя снискаете себе пропитание. А так как труды ваши протекают в ночное время, то ложатся они еще большим

бременем на вас. И вот помыслил я,— не имеешь ли ты нужду в слуге и помощнике, который мог бы облегчить тебя? Если имеется такая нужда, то скажи мне, потому что очень нужны мне деньги и охотно продал бы я себя в рабство за двадцать сребренников.¹⁷

Скоморох посмотрел на говорившего и подумал, что хоть и слишком много ему лет для того, чтобы исправно совершать службу, но по дешевой плате, которую он за себя назначил, можно на эти большие лета и не обращать внимания.

Так стал Серапион-синдонит рабом скомороха. Днем приходилось ему исполнять все дела по хозяйству, кормить обезьяну, чинить скоморошьи наряды, а по вечерам помогал он своему хозяину чистить инструменты, собирать монету со случайных гуляк, останавливавшихся посмотреть на представление,— и все, что входило в скоморошье дело, должен был исполнять Серапион.

Главное же занятие его было,— заменять хозяина, когда тот по причине слишком обильных угощений становился нетрезв и сам с трудом мог считать деньги, а иногда с трудом даже передвигался по улице. Тогда поддерживал его с одной стороны сын, а с другой Серапион. Женщины же шли сзади, неся инструменты и обезьяну.

И скоро возлюбила семья скомороха своего раба Серапиона так, что не мыслила, как это они раньше без него жили. Незлобностью, вниманием и трудолюбием проник он в сердца их.

Особенно любил Серапиона отрок, которому он часто рассказывал многие поучительные истории и наставлял на истинное понимание человеческих путей. Но и жена скомороха также привязалась к старцу, так как приносил он ей великое облегчение во всех хозяйственных заботах. И дочь скомороха была к нему ласкова.

Когда же укрепились их сердца в такой любви, начал исподволь Серапион им о Божьем промысле говорить, и о служении Господу, и о добровольно взятых на себя тяжестях, и о том, как страдал Искушитель за грехи мира, и о всем, что является истинным словом христианским.

А далее начал он удерживать скомороха, чтобы не злоупотреблял он угощениями, от ночных гуляк получаемыми, и дочери его указывал, сколь угодна Господу чистота и непорочность, заставляя ее отметать всяческие приставания ночных гуляк и бездельников.

Так постепенно стал Серапион духовным отцом и руководителем семьи скомороха и вывел ее на широкий путь духа.

Оставаясь на той же трудной работе, бродя про ночным притонам и забавляя гуляк, удалился скоморох от этого пути и внутренне стал чуждаться его, проникаясь истинным любознанием и богоугождением.

А когда он утвердился на пути совершенствования, то сказал Серапиону:

— Брат Серапион, не хочу я видеть тебя рабом своим,

но отцом духовным. Итак, отказываюсь я от услуг твоих и от работ твоих,— и будь ты отныне свободным.

Серапион ответил:

— Так, брат, исполнил я свою задачу. Прими теперь обратно свои двадцать сребренников, которые ты заплатил за меня. И отпусти меня искать нового делания Господня.

И, хотя скоморох не хотел брать своих денег, говоря, что великой духовной помощью много раз больше дал ему Серапион, чем эти двадцать сребренников, но старец настоял на своем и, вернув эти деньги, отошел от скомороха, так как выполнил у него все, что надлежало.

И во многих других странах предавался он опять учительству, получая подаяния от людей и давая в обмен им духовные богатства свои.

ПУТЬ К ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ ДУШАМ

Однажды пришли к авве Ахилле три старца, занимающиеся рыбной ловлей. Двое из них были известны строгостью жизни и подвигов. А один имел дурную славу по причине слабостей своих человеческих.

И просили пришедшие авву, чтобы сделал он им невода по нужде их рыболовного ремесла.

Когда первый просил, Ахилла ответил:

— Недосуг мне.

И второму отказал в просимом, отговариваясь недосугом.

Тогда третий, грешный старец, приступил со своей просьбой. Мало поразмыслив, авва Ахилла сказал:

— А тебе, брат, я невод сделаю.

Тот очень обрадовался, потому что был его прежний невод изорван, и не мог он ловить рыбы. Итак, получив обещание, он благодарил авву и скоро отошел.

Два же другие старца стали пытаться Ахиллу, отчего их просьбу он отказался исполнить, отговариваясь недосугом, просьбу же грешного брата принял с великой охотой, и найдется у него время для плетения ему невода.

И авва пояснил им:

— Сослался я на недосуг,— и вы поверили мне и не оскорбились. А если ему не сделать желаемого, то он подумает, что я, услышав о его грехах, по их причине не хотел исполнить его просьбы. И так отсек бы я его от себя и ожесточил.

Но братья еще не понимали.

Тогда авва Ахилла в поучение им стал рассказывать о различных путях к человеческим душам и о том, как умел узнавать эти различные пути блаженный отец наш Макарий Великий.¹⁸

Вот что вспомнил он об этом целителе душевных болезней и пастыре людского стада.¹⁹

— Блаженный отец наш ведал, что многообразные пути ведут к душам человеческим и многообразными путями спасаются люди.

Так однажды увидел он врага, идущего из пустыни, где спасались отшельники. И спросил его властью Бога, много ли находит он слуг среди рабов Божьих?

Демон же ответил:

— Единого слугу надеюсь я приобрести себе в пустыне. И слуга этот — брат Феопемит, дух которого смущен и близится к гибели.

Услыхав это, наутро покинул Макарий свою пещеру и стал обходить всех пустынножителей. Но ни у кого не имел долгого пребывания, а дошедши до Феопемита, сказал ему, что будет у него ночевать.

И всю ночь провели они вместе в молитве и в чтении Писания. И тщился Макарий различными мудрыми словами привести брата к признанию и покаянию.

Но Феопемит ни в чем не признавался.

Тогда, увидя, что жало диавола глубоко проникло в душу брата и что одних мудрых слов и молитв недостаточно, говорит ему Макарий наутро:

— Брат, мне хочется покаяться перед тобой: знай, что мучает меня бес уныния.

Вздыхнул Феопемит и сказал:

— И меня также, авва.

— И еще мучает меня бес гордыни.

— И меня также, авва.

— И еще соблазняет меня демон неверия.

— И меня также, авва.

— И не знаю я, брат Феопемит, как мне бороться одному с искушениями. А потому,— сотвори любовь,— постись вместе со мной и приноси вместе со мной покаяние, пока не поможет нам Господь своею силой.

Так постились они вместе и калялись вместе, пока Феопемит не сказал:

— Воистину, получил я большое облегчение от молитвы моей и слез. Укрепил меня Господь и сделал дерзновенным для борьбы с врагом.

— Меня тоже, брат,— ответил ему Макарий.

И после этого покинул келию Феопемита.

В другой раз узнал он, что оставил один из отшельников молитвенное предстояние Богу, а потому открыл свое сердце демонской силе. По лени не возносил он ни утром, ни вечером душу свою к Господнему престолу и пребывал весь в делах мира и в соблазнах его.

Тогда пришел к этому брату авва Макарий и сказал:

— Вот я пришел, потому что имею великую нужду в твоих молитвах.

А брат смутился и ответил:

— Недостоин я о тебе молиться.

Но Макарий вновь и вновь просил его молитв и, наконец, сказал:

— Не уйду я от тебя, пока не обещаешь мне творить хоть одну краткую молитву за меня каждый вечер.

И принужден был брат обещать эту краткую молитву.

Тогда Макарий ушел.

А вечером, сотворив одну молитву о спасении раба Божьего Макария, брат устыдился, что вот молится он о таком великом угоднике, а о своей грешной душе не имеет прилежания помолиться. И тогда также кратко помянул и себя перед Господом.

И так делал он некоторое время каждый вечер.

Макарий же увидел, что начали рассеиваться около брата демонские скопища, но все же многие оставались.

Вновь пришел он к брату и этот раз просил молиться за себя не только по вечерам, но и утром и произносить не одну молитву, а несколько.

И опять, выполняя эту просьбу аввы, стал брат размышлять, что за святого возносит он молитву, а своей грешной душе не дает этой помощи.

И постепенно привык он к молитвенному бдению и стал просить у Господа наставления и спасения и для своей грешной души.

Тогда все демоны отступили от него.

Так мудрым ухищрением, взывая лишь к верности слову, вывел Макарий погибающего брата на истинный путь.

Закончив же эти воспоминания, авва Ахилла добавил:

— Надо помнить, что различные лекарства бывают против различных болезней. А потому никогда нельзя отсекай грешников, но искать, какими средствами можно их исцелить.

И стали старцы расспрашивать его, какие иные пути еще ведут к душе человеческой.

— Разные пути есть, — сказал он. — Вот однажды пришел к нашему архимандриту один отшельник, достигший большой высоты, но не смиливший своей гордыни, а, наоборот, питающий гордыню подвигами своими. И спросил: «Как мне достичь совершенства?»

Архимандриту же было видение о том гордом отшельнике, и он сказал:

— Возьми бич, пойдя и паси свиней, ни о чем не размышляя.

Отшельник смирил себя к послушанию и поступил так.

А люди, видящие его с бичом среди стада свиного, говорили:

— Вот он имеет беса в себе и потому, оставив подвиг, пасет свиней.²⁰

Так была укрощена его гордыня и он достиг совершенства.

И, выслушав эти слова, старцы поняли, как трудно дело спасения душ человеческих, и сколь искусным сердцеведом надлежит быть, чтобы находить к людям прямые пути.

ДУХОВ ДЕНЬ¹

терцины²

Песня первая

У человека двойственен состав,—
Двух разных он миров пересечение,—
Небесной вечности и праха сплав.

Он искры Божьей в тварной тьме³ свечение,
Меж адом и спасеньем он порог.
И справедливо было изречение

О нем: он червь, он раб, он царь, он Бог.⁴
В рожденном, в каждом, кто б он ни был, явлен
Мир, крепко стянутый в один комок.

В ничтожном самом вечный Дух прославлен,
И в малом искустель древний, змей,
Стопою Девы навсегда раздавлен,

Я говорю лишь о судьбе своей,
Неведомой, ничтожной и незримой.
Но знаю я,— Бог отражался в ней.

Вал выбросит из глубины родимой
На берег рыбу и умчится прочь.
Прилив отхлынет. Жаждою томима,

Она дышать не может. Ждет, чтоб ночь
Валы сгрудила, чтоб законы суши
Мог океан великий перевозмочь.

Вот на скалу он вал за валом рушит,
Прибрежным страшно. Рыба спасена,
И воздух берега ее не душит,

И влагою своей поит волна.
Судьба моя. Мертвящими годами.
Без влаги животворной спит она.

Но только хлынет океаном пламя,
Но только прокатится гулкий зов
И вестники покажутся меж нами,—

Она оставит свой привычный кров,
И ринется навстречу, все забудет...
Однажды плыли рыбаки на лов.

Их на воде нагнал Учитель. Люди
Дивились. Петр навстречу во водам
Пошел к Нему, не сомневаясь в чуде.⁵

И так же, как ему, дано и нам.
Мы не потонем, если будем верить,
Вода — дорога гладкая ногам.

Но надо выбрать раз. Потом не мерить,
Не сомневаться, как бы не пропасть.
Пошел — иди. Пошла — иду. Ощерит

Тут под ногами бездна злую пасть.
Пошла — иду. А дальше в воле Божьей
Моя судьба. И Он имеет власть

Легко промчать на крыльях в бездорожье,
Иль неподвижностью навек сковать,
Прогнать, приблизить к Своему подножью:

И я вместила много; трижды — мать —
Рождала в жизнь, и дважды в смерть рождала.⁶
А хоронить детей, как умирать.

Копала землю и стихи писала.
С моим народом вместе шла на бунт,
В восстании всеобщем восставала.

В моей душе неукротимый гунн
Не знал ни заповеди, ни запрета,
И дни мои, — коней степных табун, —

Невзнузданных, носились. К краю света,
На запад солнца⁷ привели меня, —
И было имя мне — Елизавета.

На взгляд все ясно. Други и родня
Законы дней моих могли б измерить, —
Спокойнее живется день от дня.

Лишь иногда приотворялись двери,
Лишь иногда звала меня труба.
Не знала я, в какую правду верить.

Ничтожна я. Великая судьба
Сплетается с моей душой ничтожной.
В себе сильна. Сама в себе слаба.

И шла я часто по дороге ложной,
И часто возвращалась я назад
И падала средь пыли придорожной.

Никто не мог помочь, ни друг, ни брат,—
Когда томил иного мира вестник.
Он не сулил ни счастья, ни наград,

Он не учил ни ремеслу, ни песням
Он говорил мне: «Лишь закрой глаза,
Прислушиваясь к океанской бездне.

Ты только часть, а целое — гроза,
Ты только камень, а праща незрима,
Ты гроздь, которую поит лоза.⁸

Ты только прах, но крылья херувима
Огнем насыщены и рядом, тут.
Не допусти, чтоб он промчался мимо.

Лишь подожди, наверное дадут
Тебе крестом отмеченные латы,
И в мир иной⁹ ворота отпрут:

Иди, слепая, и не требуй платы.
Тебя не проводит ни брат, ни друг.
И я тебе лишь знак, а не вожатый».

Упала я,— крест распростертых рук
Был образом великим погребенья.¹⁰
Шлем воина,— меня венчал клобук.¹¹

Какое после было откровенье,
И именем Египтянки¹² зачем
Меня назвали? Нет, не удаление,

А приближенность новая ко всем.
И не волчцы пустыни, и не скалы,—
Средь площадей ношу мой черный шлем.¹³

Я много вижу. Я везде бывала.
Я знаю честь, я знаю и плевки,
И клеветы губительное жало,

И шепот, и враждебные кивки.
А дальше поведет меня дорога
При всех владыках мира в Соловки.

Мы все стоим у нового порога,
Его переступить не всем дано,—
Испуганных, отпавших будет много.

В цепи порвется лишь одно звено,
И цепь испорчена. Тут оборвалась
Былая жизнь. Льют новое вино

Не в старые мехи.¹⁴ Когда усталость
Кого-нибудь среди борьбы скует,
То у врага лишь торжество, не жалость,

В его победных песнях запоем.
Ни уставать, ни падать не дано нам.
Как пчелы майские весенний мед

Мы собираем по расцветшим склонам.
В земле лежал костяк еще вчера
От кожи, жил и плоти обнаженным.¹⁵

Еще вчера,— давнишняя пора.
Я отошла на сотни лет сегодня.
Пшеничный колос туг. Палит жара.

Благоприятно лето мне Господне.
И серп жнеца сегодня наострен.¹⁶
Размах косы и шире и свободней.

Пади на землю урожай времен,
В бессмертный урожай опять воскресни.
Людской пролитой кровью напоен.

Давнишний друг, иного мира вестник,
Пытает и в мои глаза глядит:
«Поймешь ли ты сегодняшние песни

И примешь мира измененный вид?
Твой чели от берега давно отчалил,
А новый берег все еще закрыт.

В который раз ты изберешь печали
Изгнанья, но теперь среди своих
Замкнулся круг, и ты опять в начале».

Но вестника вопрос еще не стих,
А я уже ответ мой твердый знала,
Уверенный, как вымеренный стих.

От тех печалей сердце не устало.
И я хочу всей кровию истечь
За то, что некогда средь кэба увидала.

Спустился обоюдоострый меч,
Тот, памятный, разивший сердце Девы.¹⁷
И должен он не плоть людей рассечь,

Крестом вонзиться. От Него налево
Разбойник похуливший виден мне.¹⁸
Весь трепетный, без ярости и гнева,

Сосредоточенный в своей вине.
Да, знаю я, что меч крестом вонзится.
Вторым крещеньем окрестит в огне.¹⁹

Печатью многие отметит лица.
Я чую приближенье белых крыл
Твоих, Твоих, сверкающая Птица.²⁰

Ты, дух живой среди костей и жил,
В ответ Тебе вздохнет душа народа,
Который долго телом мертвым был.

Не человечья, а Твоя свобода
Живое в красоте преобразит
В преддверии последнего Исхода.

И пусть страданье мне еще грозит,—
Перед страданьем я склоняюсь долу,
Когда меня своим мечом разит

Утешитель, животворящий Голубь.²⁰

Песня вторая

Звериное чутье иль дар пророка,
Но только не от разума учет
Дает нам чутать приближенье срока,

Какой Давид сегодня отсечет
У Голиафа голову, сначала
Державных лат отбросивши почет?²¹

И челн какой, сорвавшись от причала,
От пристани отпрянувши кормой,
Навстречу буре кинется? Встречала

Я много знаков. Скромен разум мой.
И если в чем упорствовать я буду,
Так уж не в том, что вычислить самой

Мне удалось. Лишь в приближеньи к чуду,
В том, что идет всему наперекор,
Искать священных знаков не забуду.

Как памятно. Какой-то косогор,
Вдали стреноженная кляча бродит.
И облака, как груды белых гор,

И ветер шалый бьется на свободе,
Клонит траву. Иль в мире этом есть
Лишь кляча да бурьян на огороде?

И есть еще, чего нельзя учесть:
Бездолье и тоска земной печали
И еле-еле слышимая весть.

О, в разных образах глаза встречали
Все тот же воплощенный лик тоски,—
Когда снега январские молчали,

Иль зыбились полдневные пески,
И Волга медленно катилась в Каспий.
Весной в Неве сшибались льда куски,

И две зари полночные не гасли.²²
Я знаю,— Родина,— и сердце вновь,—
Фитиль лампадный, напоенный в масле,—

Замрет и вспыхнет. Отольется кровь,
И вновь прильет. И снова будет больно.
О, как стрела, пронзительна любовь.

На всем печаль лежит. Гул колокольный,
И стены древние монастырей,
И странников порядок богомольный,

Дела в Москве преставшихся царей,
Торжественных и пышных Иоаннов,²³
И их земля среди семи морей,²⁴

И дым степных костров средь ханских станов,—
Со свитою верхом летит баскак,—²⁵
Он дань собирает на Руси для ханов.

Потом от запада поднялся враг —
Поляк и рыцарь ордена немецкий.
А по Москве Василий, бос и наг,²⁶

С душою ангельской, с улыбкой детской,
Иоанну просто правду говорит.
Несистовый, пылает бунт стрелецкий.

Москва первопрестольная горит...
Еще... Еще... В руке Петра держава.
Сегодня он под Нарвою разбит,—

Завтра бой.²⁷ И гул идет: Полтава.
Что вспоминать? Как шел Наполеон
И как в снегах его погасла слава,

И как на запад возвратился он.
Что вспоминать? Дымящееся дуло,
Убийцу, тело на снегу и стон²⁸

И смертной гибелью на все пахнуло...
Морозным, льдыстым был тогда январь.²⁹
Метель в снегах Россию захлестнула.

Морозный, льдыстый ею правил царь...³⁰
Но и тогда, средь полюсных морозов,
Пожар змеился, и тянула гарь...

.....

Шуми и падай, белопенный вал.
Ушкуйник,³¹ четвертованный Емелька,³²
Осенней ночью на Руси восстал.

Русь в сне морозном. Белая постелька
Снежком пуховым занесет ее
И пеньем убаюкает метелька.

Солдат, чтобы проснулась, острием
Штыка заспавшуюся пощекочет.
Он точно знает ремесло свое,—

И мертвая, как встрепанная, вскочит,
И будет мертвая еще плясать,
Развевая волос седые клочья...

Звон погребальный... Отпевают мать...
А нам, ее оставшимся волчатам,
Кружить кругами в мире и молчать,

И забывать, что брат зовется братом...
За четверть века подвожу итог.³³
Прислушиваюсь к громовым раскатам.

.....
О, многое откроется. Сейчас
Неясно все. Иль новая порода

И племя незнакомое³⁴ среди нас
Неведомый закон осуществляет,
И звонко бьет его победный час?

Давно я вглядываюсь. Сердце знает
И то, чего не уловляет слух.
И странным именем все называет.

В Европе, здесь, на площади, петух,
Истерзанный петух разбитых галлов,
Теряет перья клочьями и пух...³⁵

Нет, не змея в него вонзила жало,
Глаза сощуриив, спину выгнув, тигр
Его ударил лапою. Шакала

Я рядом вижу. Вместо летних игр
И плясок летних, летней же порою
На древнем месте новый мир воздвиг

Победоносный зверь. И стал тюрьмою
Огромный город.³⁶ Сталь, железо, медь
Бряцают сухо. Все подвластно строю...

О, пристальнее будем мы глядеть
В туманы смысла, чтоб не ошибиться.
За тигром медленно идет медведь,

Пусть нужен срок ему расшевелиться,
Но, раз поднявшись, он неутомим,—
Врага задушит в лапах. Колесница

Медлительная катится за ним.
Тяжелым колесом живое давит.
Не тяжелей ступал железный Рим.

Кого везет? Кто колесницей правит?
Где родина его? Урал? Алтай?
Какой завет он на века оставит?

Тебя я знаю, снежной скорби край.
В себе несу твоей весны напевы.
Тебя зову я. Миру правду дай.

Земля — Богоневестной Девы,³⁷
Для жертвы воздвигаемый престол,
Сегодня в житницу ты дашь посевы

Твоей пшеницы. Ты даешь на стол
Вино от гроздий, напоенных кровью,
Ты, чудотворный лекарь язв и зол.

Мир люто страждет. Надо к изголовью
Его одра смертельного припасть,
Благословить с надеждой и любовью

На руки взять. И сразу стихнет страсть,
И сон целительный наступит сразу.
Проси, проси и ты получишь власть

И кровь остановить, и снять проказу,
И возвратить ушам оглохший слух,
И зренье помутившемуся глазу.

За оболочкой плоти ярый дух,
Который вечен, и одновременно
Родился только что,— он не потух

В порывах урагана. И средь тлена,
Среди могил вопит Езекиил,
Вопивший некогда в години плена,

Костяк уже оброс узлами жил,
И плоть уже одета новой кожей.³⁸
Мы ждем, чтоб мертвых оживотворил

Животворящий Дух дыханья Божья.
И преклонились Божии уста,—
Жизнь пронесется молнией и дрожью,

И тайну Животворного Креста
Познает Иосафатова долина.³⁹
Могила Господа сейчас пуста,

И чудо прозревает Магдалина.⁴⁰

Песня третья

Он жил средь нас.⁴¹ Его печать лежала
На двадцати веках. Все было в Нем.
Вселенная Его лишь отражала.

Не так давно, спокойным, серым днем,
Ушел из храмов и домов убогих
Один, босой, с сумой, с крестом, с огнем.

Никто не крикнул вслед. Среди немногих,
Средь избранных царил такой покой,
Венцы сияли на иконах строгих.

А Он проплыл над огненной рекой
И отворил тяжелые ворота,
Ворота вечности, своей рукой.

Ничто не изменилось: крови, пота
И гнойных язв на всех земных телах,—
Как было, столько же и есть. И та ж забота,

И нет пути, и в сердце мутный страх,
Непроницаемы людские лица.
Одно лишь ново: бьется в небесах,

Заполнив мир, страдающая Птица,
И всех живущих в мире бьет озноб,
И даже нелегко перекреститься...

Пустыня населялась... Средь трущоб
Лепились гнезда старческих киновий.⁴²
В пещере дальней крест стоял и гроб.

И в городах, под пенье славословий,
Шлем воина сменялся на кlobук,
Покой дворцов — на камень в изголобьи.

Закончен двадцативековый круг.
Полный растет, где храмы возрaстали,
И города распахивает плуг.

Единый, славы Царь и Царь печали,
Источник радости, источник слез,
Кому не может развязать сандалий

Никто. Он в мир не мир, но меч принес.⁴³
Предсказанный пророками от Бога,
Краеугольный камень и утес,⁴⁴

Привавший плоть и возлюбивший много,
На дереве с Собой распявший грех⁴¹, —
Уже не смотрит ласково и строго,

Уж не зовет блудниц и нищих всех
Принять живой воды, нетленной пищи,
И новое вино влить в новый мех.⁴⁵

И нищий мир по-новому стал нищий,
И горек хлеб и гнойны все моря,
Необитаемы людей жилища.

Что нам дворцы, коль нету в них Царя,
Что жизнь теперь нам? Первенец из мертвых
Ушел из жизни. Нету алтаря,

Коль нету в алтаре бескровной жертвы.
И пусть художник через сотни лет
О днях печали своей рассказ начертит.

Оставленный и одинокий свет.
В сугробах снежных рыскает волчица,
К себе волчат зовет, а их уж нет.

И над пустым гнездом тоскует птица,
И люди бродят средь земных дорог.
Непроницаемы людские лица.

Земную грудь попрут стопами ног,
Распределят между собой ревниво
Чужого хлеба найденный кусок.

Не отдохнут, а дальше торопливо
Пойдут искать... И что искать теперь,
Какого нам неведомого дива,

Какой свободы от каких потерь?..
А солнце быстро близится к закату.
Приотворилась преисподней дверь.

Иуда пересчитывает плату,
Дрожит рука, касаясь серебра,
К убитому склонился Каин брату,

Течет вода пронзенного ребра,⁴⁶
И говорят с привычкой вековой
Предатели о торжестве добра.

Подобен мир запекшемуся гною.
Как преисподним воздухом дышать,
Как к ядовитому привыкнуть зною?

Вглядись, взглядишь: вот бьется в небе рать,
И будет неустанно, вечно биться.
Вглядись: меч обоюдоострый... Мать...

Мать матерей... Небесная Царица:
Был плач такой же, на Голгофе был...
Вглядись еще: откуда эта Птица,

Как угадать размах священных крыл,
Как сочетать ее с землею грешной?
Пусть на устах последний вздох застыл,—

Глаза среди этой темноты крошечной
Привыкли в небе знаки различать.
Они видали, как рукой неспешной

Снял ангел с Откровения печать⁴⁷,—
И гул достигнул до земного слуха.
Его услышав, не дано молчать.

Вдыхало раньше далеко и глухо,
Как вздох проснувшегося. А потом
Как ураган шумели крылья Духа,

И прах, и небеса заполнил гром.
И лезвием блестящим рассекала
Струя огня храм, душу, камень, дом:

Впивалось в сердце огненное жало.
Ослепшие, как много вас теперь,
Прозревшие, как вас осталось мало.⁴⁸

Дух ведаёт один число потерь,
Дух только горечи и воли ищет.
Мать Иисуса и Давида дочь,⁵⁰

Что херувимов огнекрылых чище,
Внесла свой обоюдоострый меч
На небеса небес, в Его жилище.

Никто не попытается извлечь
Из сердца Птицы смертоносной стали.
Он Сам пришел Себя на смерть обречь.⁴¹

Так было предуказано вначале.
Начало мира,— этот меч и крест,⁴⁹
Мир на двуликой выращен печали:

Меч для Нее, Невесты из невест.³⁷
Крест Отпрыску Давида, Сыну Девы.⁵⁰
Одно и два. Смешенье двух веществ.

Сегодня вечности поспели севы
И Божьему серпу препятствий нет.
Сталь огненосна. Кровеносно древо.

Крещение второе.⁵¹ Параклет.⁵²
Огонь и животворный Дух крещенья...
Сменяются потоки дней и лет,—

Все те же вы, бессмертны в повтореньи
Живые образы священных книг.
Пилат умоет руки.⁵³ В отдаленьи

Петуший утренний раздастся крик,
И трижды отречение Петрово,⁵⁴
Сын плотника⁴¹ склонит Свой мертвый лик,—

Ворота адовы разрушит Слово.⁵⁵
Но Славы Царь сегодня в небесах,
Утешителя Он нам дал иного,⁵⁶

Иной и мытарь посыпает прах
На голову. Иного фарисея
Мы видим. Он с усмешкой на устах

Уж вычитал, об истине радея,
Что есть закон. Закон не превозмочь.
А кто восстанет, тем судьба злодея.

Которого Варравы?⁵⁷ Пусть он прочь,
Прочь от суда уходит на свободу.
Трехдневная приблизилась к нам ночь.⁵⁸

К избранному Израилю, к народу
Новозаветному, внимай, внимай.
Вот некий Дух крылом смущает воду,⁵⁹

Где хочет, дышит, воскрешает рай
В сердцах блудниц и грешников убогих.
Израиль новый,⁶⁰ Божью волю знай,

Ведь сказано в Его законах строгих,—
Дар благодати взвешен на весах,
Дар благодати только для немногих.

Что создано из праха, будет прах...
И звонко заколачивает кто-то
Гвоздь в перекладину креста. И страх,

Кошунства страх, о чистоте забота,
И ужас непрощаемой хулы
Весь мир мертвит. И смертная дремота

Огонь покрыла пеленой золы.
Недвижны звезды в небе, звери в поле,
В морях застыли водные валы.

О, Дух животворящий, этой боли
Искал Ты? О, неузнанная весть,
Людьми не принятая весть о воле.

Где средь потопа Белой Птице сесть?⁶¹
Где среди плевел отобрать пшеницу?
Что может пламень в этом мире съесть?

Лети от нас истерзанная Птица.
К Тебе никто не рвется, не привык.
Не можешь Ты ничьей любви добиться.

Виденьям не покорствует язык.
Что видели глаза, пусть скажет слово.
Огонь средь мертвых, преисподней рык.

Пусть будет сердце смертное готово
Предстать на суд. Пусть взвесит все дела,
Пусть выйдет в вечность без суммы и крова.

Грудь голубя сегодня не бела,
На ней кровавые зарделись пятна,
И каплет кровь с высокого чела,

И шумы крыл не так для слуха внятны.
Единая Голгофская гора⁶²
Вдруг выросла и стала необъятна.

На площади Пилатова двора
Собрались все воскресшие народы,
И у костра гул голосов. Жара.

Как будто не существовали годы,—
Две тысячи годов исчезли вмиг.
Схватили Птицу, Вестника свободы.

В толпе огромной раздается крик:
«Распни ее, распни ее,⁶³ довольно».
Вот кони стражи. Лес блестящих пик.

Глубоко вкопан столб. Доской продольной
Он перекрещен. Я в толпе, и ты,
И ты,— другой и все. Тропой окольной

Бежать средь наступившей темноты
В отчаянии какой-то рыбарь хочет...
Вдруг в небе предрассветные цветы...

Вдруг серебро, слепящее средь ночи...
Небесный полог распахнулся вдруг...
Труба архангельская нам рокочет...

Не смею больше... В сердце не испуг,
Но все ж не смею... И усилие нужно
Опомниться... Вещей привычный круг.

Я в комнате. А за стеной наружной
Примята пыль. Прошел недавно дождь.
От северной границы и до южной

Пасет народы предреченный Вождь.⁶⁴

Духов День.
25 мая 1942 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

ЖАТВА ДУХА

Книга Е. Ю. Скобцовой «Жатва Духа» опубликована в Париже в 1927 г. (без указания года) издательством ИМКА-Пресс двумя небольшими «выпусками». С тех пор не переиздавалась. На титульных листах «выпусков» приведены своеобразные оглавления с указаниями, откуда взяты житийные сюжеты и датами памяти святых подвижников.

Выпуск I

1. Иоанникий Великий

1. *Иоанникий Великий* (754-846) — монах, подвизавшийся (совершавший свой подвиг) на горе Олимп в малоазийской области — Вифинии на берегу Мраморного моря, где было сосредоточено множество обителей византийского монашества.
2. *пастух душ человеческих* — см. ниже примеч. 9, вып. II.
3. *спасаться* — богоугодными делами приобретать вечное блаженство; ограждать душу от мирских соблазнов.
4. *Ветер, идущий со всех четырех стран земли* — образ, восходящий к Евангелию: ангелы «собирут выбранных Его от четырех ветров» (Матф. 24:31). В Палестине еще израильтяне различали четыре главных ветра: западный и юго-западный, южный и юго-восточный, восточный, северный или северо-западный. Ср. описание чудесных ветров в житии Макария Римского (V-VI в.): «... мы взглянули на четыре страны земли и неба. И там дули ветры не такие, как дуют здесь. Ибо ветры имели иное дуновение: западный был зелен, восточный подобен цветку желудя, ветер от полуночи золот, как чистая кровь, а полуденный снежно-бел» // Византийский легенды.— Л., 1972.— С.41.
5. *Бог Сил*. Силы — одно из названий высших ангельских чинов, отражающее принцип Божественного мировладычества. «Господи Сил, с нами буди!» — слова из православной молитвы, читаемой в первую неделю Великого Поста.
6. *легкое иго Христово* — слова Иисуса из Евангелия: «возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня (...), ибо иго Мое благо и бремя Мое легко» (Матф. 11:29-30).

7. *враг* — дьявол, демон, сатана.
8. *невеста Христова* — монахиня, девственница.
9. *Силою Бога живого*. Живой Бог — Бог-Отец; Иисус Христос — сын Бога живого (Матф. 16:16).
10. *змея* — символ и образ врага-демона.

2. Авва Агр и авва Ор

Это повествование Скобцовой о двух братьях-монахах интересно сравнить с рассказом о жизни нитрийских отшельников, включенным в последнюю книгу В. С. Соловьева «Три разговора» (1899) // Соловьев В. С. Сочинения в 2-х томах. — т.2. — М., 1990. — С.674-676.

11. *авва* — евр. «отец». Слово выражает высшую степень искренней любви, доверенности, покорности, дружеского общения. Так называли настоятелей монастырей и славившихся мудростью старцев-подвижников.

3. Мученик Никифор и его друг Саприкий-пресвитер

Никифор из Антиохии Сирийской скончался ок. 257 г.

12. *Антиохия Сирийская* — столица Сирии, которая в то время (с 64 г.) находилась под властью римского императора (кесаря; отсюда — кесарийская) и управлялась его наместником-игемоном.
13. *пресвитер* — греч. «старец». В раннехристианских общинах — управляющий; позже сан, соответствующий иерею, священнику. В его обязанности входило обучение народа, совершение церковных таинств и т. п.
14. *отец вражды, начальник вражды* — то же, что *враг* — дьявол.
15. *Валериан* — римский император (253-260); *Галлиен* — его сын и соправитель (253-268). Валериан преследовал христиан — особенно в восточных и африканских провинциях. Галлиен после разгрома и пленения отца персами, хотя и не сочувствовал христианам, но преследования их отменил.
16. *игефон* — греч. «вождь, правитель, предводитель; градоначальник, начальник области...» Отсюда: *игумен* — настоятель монастыря.
17. *Антиохия Кесарийская* — см. примеч. 12, вып. I.
18. *идолы, деянья рук человеческих* — статуи римских богов. Еще предшественник Валериана (см. примеч. 16) предписывал всем жителям империи свидетельствовать свою лояльность путем жертвоприношений официальным («языческим») богам, от чего христиане отказывались.

4. Единодушные братья

19. *киновия* — монашеское общежитие; иногда небольшой удаленный монастырь.
20. *Фивейская пустыня* или Фиваида — область верхнего Египта.
21. *соборное согласие; единение* — т. е. свободное, ненасильственное объединение, основанное на братской любви. Славянофилы и Ф. М. Достоевский, чьих взглядов придерживалась Скобцова, считали, что подобное единение было истари присуще русскому народу.
22. *апокрисиарий* — от греч. «отбирать, отделять; скрывать, прятать». Одна из низших монастырских должностей.
23. *предстоятель* — тот, кто *предстоит*, стоит впереди у Божественного престола (у алтаря в храме), т. е. — первосвященники, старшие монахи, отличающиеся особой чистотой нравов и набожностью и являющиеся своеобразными молитвенными заступниками.
24. *назвать бывшее небывшим*, т. е. не отрекаться, а подтвердить то, что было. Антитеза ветхозаветной формулы сотворения мира. В одном из стихотворений, описывая миротворение, мать Мария в соответствии с книгой «Бытие» писала:

Господь
Небывшему сказал: «Да, будет!»

Эта же формула была использована ею позже в статье «Рождение в смерти»: «Бог может сделать бывшее небывшим, я думаю — а моя человеческая память (...) как она согласится забыть, стереть, уничтожить?» // Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. — т. 2. — Париж, 1992. — С.161.

Выпуск II

1. Виталий-монах

Виталий жил в VI-VII веках.

1. *Иоанн (2-й) Милостивый* — патриарх Александрийский (616-620), отличался благотворительной деятельностью и аскетическим образом жизни.
2. *плевел* — сорняк, похожий на пшеницу. Согласно Евангелию, плевелы — это посев дьявола («сыны лукавого»); после жатвы их необходимо отделить от пшеницы и сжечь. В широком смысле — грехи, недостатки.

3. *скорбящий* — терпящий скорби, т. е. несчастья, болезни, немощи, сокрушение духа. Скорбеть — болеть, терпеть беду, несчастье.
4. *по слову апостола... для всех стать всем* — слова апостола Павла из его I-го послания к коринфянам: «Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (9:22).
5. *мир же пребывает во зле* — слова из I-го послания апостола Иоанна: «Мы знаем, что... весь мир лежит во зле» (5:19). Позже в одном из своих стихов мать Мария высказалась полемически к этому новозаветному утверждению:

Не то, что мир во зле лежит, не так,—
Но он лежит в такой тоске дремучей.
Все сумерки, а не огонь и мрак,
Все дождичек,— не грозовые тучи.

6. *перед единой жемчужиной все жемчужины мира не имеют цены* — новозаветный образ: «... подобно Царство Небесное купцу, ищущему хороших жемчужин, который, нашед одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее» (Матф. 13:45-46).
7. *единая бесценная жемчужина* — см. предыдущее примечание.
8. *для всех он был... всем* — см. выше примеч. 4, вып. II.
9. *отвечая... за потерянных овец единого людского стада.* Согласно христианской концепции, все люди — суть овцы единого стада, пасомые «добрым пастырем» Иисусом Христом. При этом ни одна овца не должна быть потеряна.
Сюжет о подвигах монаха Виталия нашел свое художественное отражение и в пьесе матери Марии «Анна», написанной в середине 1930-х годов. За монастырской трапезой чтица-монахиня декламирует житие:

Из пустыни Нитрийской во град Константина
Кораблем был доставлен Виталий-монах.
Не покрыты плащом, развевались седины,
Не имел он сандалий на пыльных ногах.
Корабельщики дали ему пропитанье,
Чтоб носил на корабль отправляемый груз.
Так средь шума кончал он земное скитанье,
Раб Виталий Твой верный, Господь Иисус.
Средь толпы моряков, веселящихся женщин,
Среди торго дневного, полуночных драк,
Был он вечно смирен, молчалив и застенчив,
Вечно холоден, голоден, грустен и наг.

От приморских трущоб возвращаясь с работы,
 Остановлен был падшею женщиной он.
 И она шла домой с неудачной охоты.
 Сотворил он смиренно земной ей поклон.
 Этой ночью никто не купил ее тела,
 И Виталию тихо сказала она:
 «Я с утра ничего не пила и не ела.
 Дай немного мне хлеба и кружку вина...»

Отрывок не закончен — по ходу пьесы чтение было прервано, поскольку трапеза завершилась, и монахи отправились в церковь.

Нитрийская пустыня. Нитрия — пустыня между Александрией и Мемфисом, славившаяся своими монашескими поселениями.

Град Константина — Константинополь, столица Византийской империи. Согласно каноническому житию, Виталий, которому было 60 лет, прибыл из монастыря Сирида в Александрию (как в прозаическом очерке Скобцовой). В стихотворном отрывке ею допущено отступление от текста жития: не женщина подошла к Виталию, а он сам ходил к ним в «прифоны».

2. Петр — сборщик податей

Петр, бывший мытарь, жил в VI веке.

10. *Юстиниан (I-й) Великий (483-565)* — византийский император с 527 г.
11. *Рукотворный идол* — скульптурное изображение языческого божества: «И сделали в те дни тельца, и принесли жертву идолу, и веселились перед делом рук своих» (Деян. апостолов 7:41). Языческие боги в Библии осуждаются неоднократно: не сотвори себе кумира и т. д. (Исход 20:4; Второзак. 4:16, 5:8). См. примеч. 18, вып. I.
12. *мурин* — чернокожий, негр, арап. Здесь в значении «раб, слуга».
13. *малые сии* — люди, находящиеся на низших ступенях социальной лестницы (Матф. 10:42); дети невинные (Матф. 18:2-6).
14. *как бы огненный меч, исходящий из уст его* — праведные, «гощие» слова. Приведа в одной из своих статей отрывки из сочинений Исаака Сирина о милосердии и душевной самоотдаче, мать Мария писала: «Мне представляются слова эти воистину огненными». Ср. у Пушкина: «Глаголом жечь сердца людей» («Пророк»).

3. Серапион-синдонит

Серапион жил в V веке.

15. *синдон* — греч. «тонкая ткань, кисея; кисейное покрывало».
16. *продай имение свое и раздай нищим* — слова Иисуса: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим» (Матф. 19:21).
17. *двадцать сребреников*. Сребреник — серебряная монета среднего достоинства, равная 4-м драхам.

4. Путь к человеческим душам

18. Преподобный *Макарий Великий* Египетский скончался в 390-391 г. Отрывки из его сочинений Скобцова приводит в своей статье «Вторая евангельская заповедь» (1939) // Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. — т. 1. — Париж, 1992. — С.217, 218.
19. *пастырь людского стада* — см. выше примеч. 9, вып. II.
20. *имеет беса в себе и потому... пасет свиней*. Намек на евангельскую притчу о блудном сыне, который расточил свое имущество на распутство, после чего вынужден был пасти свиней (Лука 18:12-16).

ДУХОВ ДЕНЬ

Поэма была опубликована посмертно, после казни матери Марии, в 1947 г. и с тех пор не переиздавалась. Многозначия в тексте 2-й песни — по парижскому изданию, из которого перепечатывается поэма с устранением замеченных опечаток.

1. *Духов День* или *Понедельник Святого Духа* — христианский праздник в честь сошествия Святого Духа на апостолов, отмечается на 50-й день после Пасхи, вслед за Троицей.
2. *Терцины* — стихотворная трехстрочная строфа, достаточно редкая для русской поэзии.
3. *Тварная тьма* — состояние мира в период сотворения его Богом: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою», — Бытие 1:2. *Тварный* — богословско-философский термин: созданный, сотворенный Богом. *Тварное* — вторично и преходящее в отличие от *нетварного*, которое первично и вечно.
4. Неточная цитата из оды Г. Р. Державина «Бог»: «Я царь — я раб — я червь — я Бог!».

5. Рассказ о хождении апостола Петра по водам приведен в Евангелии от Матфея (14:28-32). *Учитель* — Иисус Христос.
6. *Трижды... рождала в жизнь, и дважды в смерть рождала.* У матери Марии было трое детей: Гаяна, Юрий и Анастасия. Обе дочери умерли до войны (Анастасия в 1926 г., Гаяна в 1936 г.); сын Юрий был арестован вместе с матерью и погиб в Бухенвальде (Доре) в 1944 г.
7. *На запад солнца* — выражение из православной молитвы Сыну Божию «Свете тихий»: «Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний...» (Молитвослов.— М., 1992.— С.106), т. е. дожив до захода солнца, восходящее к ветхозаветной книге Иисуса Навина (1:4). В данном случае имеется в виду Франция, где мать Мария проживала с 1923 г.
8. Ср.: «Я есмь истинная виноградная Лоза (...). Я есмь Лоза, а вы ветви» (Иоанн 15:1,5).
9. *мир иной...* — монастырь; отсюда название монаха: инок, т. е. иной, живущий иначе, чем все остальные.
10. *Постригаемый* в монахи, разбросив руки, крестообразно простирается на полу. *Погребение* — уход из мира в монастырь.
11. *Шлем воина... кlobук.* Монашеский кlobук (род цилиндра без полей, расширяющийся кверху) называется шлемом спасения.
12. *Египтянка* — святая Мария Египетская, чье имя получила Е. Ю. Скобцова при постриге; празднуется церковью 1 апреля по старому стилю. Постриг поэтессы был произведен митрополитом Евлогием 16 марта 1932 г.
13. *Средь площадей ношу мой черный шлем.* Согласно Уставу, монах может проявлять себя лишь на четырех «путях»: в храм, в трапезную, на послушание и в келью. Путь в мир ему закрыт. В мистерии «Анна» мать Мария отстаивает право монаха на участие в активной общественной жизни. Сама она прошла свой монашеский путь в миру, а не в заточении.
14. «Не вливают (...) вина молодого в мехи ветхие», — Евангелие от Матфея (9:17).
15. См. примеч. 38.
16. Намек на евангельскую притчу: «Когда же созреет плод, немедленно посылает серп, потому что настала жатва», — Марк 4:29.
Благоприятно лето... Господне. Лето (славянск.) — год, когда Мессия, помазанный Духом Господним, явится «исцелять сокрушенных сердцем, проповедывать пленным освобождение и узникам — открывать темницы» (Исайя 61:1-2; Лука 4:18-19). Прообразом этого «лета» был израильский «юбилейный год» — год освобождения рабов, год свободы.

Этот же образ был использован поэтессой и в одном из ее стихотворений, написанных ранее:

Присмотришься,— и сердце узнает,
Кто Ветхого, кто Нового Завета,
Кто в Бытии, и кто вступил в Исход,
И кто уже созрел в Господне лето.

17. *Обоюдоострый меч... разивший сердце Девы.* Евангельский образ: «Тебе Самой оружие пройдет душу, да откроются помышления многих сердец» (Лука 2:35). В одной из своих статей мать Мария писала: «По Евангелию меч — это символ страдания, пассивно претерпеваемого, не волею избранного, а неизбежного,— оружие, проходящее душу. Крест Сына Человеческого, вольно принятый, становится обоюдоострым мечом, пронзающим душу Матери, не потому что Она вольно его избирает, потому что Она не может не страдать страданиями Сына» // Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки.— т. I.— Париж, 1992.— С.99.
18. Один из двух распятых вместе с Иисусом разбойников (слева) злословил вместе с воинами-палачами. Второй же (справа), напротив, вел себя на кресте вполне благоразумно (Лука 23:39-42). Его душу Иисус взял с собой на небо.
19. Святой Иоанн крестил водою, а Иисус Христос — «Духом Святым и огнем»,— Евангелия от Матфея (3:11) и от Луки (3:16).
20. *Птица* (обычно Голубь) — традиционное изображение Святого Духа, одной из ипостасей (третьего лица) Троицы.
21. Перед сражением с великаном Голиафом юноша Давид снял с себя доспехи, надетые на него царем Саулом. Он сразил Голиафа камнем из пращи, после чего отсек у него голову.
22. Перефраз пушкинских строк из поэмы «Медный Всадник» о петербургских белых ночах: «Одна заря сменить другую / Спешит, дав ночи полчаса».
23. *Преставшихся Царей... Иоаннов.* Преставшийся — преставившийся, умерший. В Архангельском соборе Московского Кремля похоронены великие князья рюриковичи: Иван Данилович Калита, Иван Иванович (сын Калиты), Иван III Васильевич; цари: Иван IV Грозный и Иван V Алексеевич (брат Петра I).
24. *земля среди семи морей.* По старой географии считалось, что Россия омывается семью морями: Черным, Азовским, Балтийским, Белым, Каспийским, а также Северным Ледовитым и Тихим океанами («морями»).
25. *Баскак* — наместник золотоордынских ханов в русских городах в XIII-XIV вв., в обязанности которого входили сбор податей и надзор за исполнением ханских повелений.

26. *Василий, бос и наг* — московский юродивый Василий Блаженный по прозвищу Большой Колпак (1465-1552), современник Иоанна Грозного; ходил босой и нагой в любую погоду, говорил правду всем, независимо от ранга, в том числе — царям. Похоронен по его просьбе в Покровском соборе на Красной площади, который неофициально носит имя этого святого.
27. *Завтра бой* — слова из поэмы А. С. Пушкина «Полтава».
28. *Дуэль Пушкина с Дантесом*.
29. *был тогда январь* — Пушкин скончался 29 января по старому стилю.
30. *царь* — Николай I.
31. *ушкуйник* — лихой человек, разбойник.
32. *Емелька* — Емельян Иванович Пугачев.
33. *за четверть века* — с 1917 г.
34. *новая порода и племя незнакомое* — немецко-фашистские оккупанты.
35. Аллегорический эпизод с «геральдическими» животными является изложением сна поэтессы, который она тогда же рассказала критику К. В. Мочульскому. Петух — Франция, Тигр — Германия, Шакал — Италия, Медведь — Россия.
36. *стал тюрьмою огромный город* — оккупация Парижа в июне 1940 г.
37. *Богоневестная Дева* — Богородица, мать Иисуса Христа; издавна считалась небесной покровительницей Руси / России.
38. *Иезекииль* — пророк, автор одной из ветхозаветных книг, которую он написал в вавилонском плену. Иезекииль пересказывает различные пророчества, одно из которых состоит в том, что Бог откроет гробы и выведет израильтян из плена на родину, где они оживут; были «кости сухие», но Бог сказал: «Обложу вас жилами и выращу на вас плоть и покрою вас кожей и введу в вас дух», — Иезекииль (37:12-13, 4-6).
39. *Иосафатова долина* — местность в окрестностях Иерусалима, где Бог наказал врагов иудейского царя Иосафата (2-я кн. Паралипоменон 20:1-26); предполагаемое место Страшного суда (Иоиль 3:2, 12).
Животворящий крест — оживляющий, воскрешающий. Имеется в виду, что с его помощью на Страшном суде многие из погибших в долине будут воскрешены.
40. *Мария Магдалина* — раскаявшаяся грешница; в дальнейшем ученица и последовательница Христа. Присутствовала при казни Учителя и снятии его с креста. Одна из первых узнала о воскресении Иисуса.
41. Имеется в виду Иисус Христос.
42. *киновия* — общежитие монашествующих; иногда небольшой монастырь, «филиал» основного.
43. Слова Иисуса Христа: «Не мир пришел Я принести, но меч» (Матф. 10:34).

44. У пророка Исайи сказано: «Я полагаю в основание на Сионе камень, камень испытанный, краеугольный, драгоценный, крепко утвержденный: верующий в него не постыдится» (Исайя 28:16).
45. «... вино молодое вливают в новые мехи», — Евангелие от Матфея (9:17).
46. *Иуда* — один из апостолов, предавший своего Учителя Иисуса Христа, классический образ предателя; *Каин* — один из сыновей Адама, убивший своего брата Авеля, классический образ убийцы.
Вода пронзенного ребра. Когда один из стражников пронзил умирающему на кресте Иисусу ребра, «тотчас истекла кровь и вода» (Иоанн 19:34).
47. *Печати* в книге: Откровение Иисуса Христа, переданное через Ангела Иоанну Богослову, — Апокалипсис.
48. Христос явился в мир, чтобы «проповедывать пленным освобождение, слепым прозрение» (Лука 4:18); «чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы» (Иоанн 9:39).
49. *меч и крест* — евангельские символы: крест — вольно принимаемого, а меч — пассивно претерпеваемого страданий. См. примеч. 17.
50. *Давида Дщерь* — Мария происходила из рода царя Давида.
Отпрыск Давида. В Евангелии сказано, что Иисус Христос — «Сын Давидов» (Матф. 1:1; Лука 1:32) по линии Иосифа, мужа Марии.
«Православное сознание воспринимает Ее, Деву из колена Иудина, Дочь Давидову, как Мать всего живого (...), как человеческое Тело Христово» // Мать Мария (Скобцова). Воспоминания, статьи, очерки. — т.1. — Париж, 1992. — С.100.
51. *крещение второе.* Иоанн Креститель предсказал: «Я крестил вас водою, а Он (Иисус. — А. Ш.) будет крестить вас Духом Святым» (Марк 1:8; Деян. 1:5).
52. *параклет* — Утешитель, одно из определений Святого Духа.
53. Отдав Христа первосвященникам, Пилат «взял воды и умыл руки перед народом и сказал: невиновен я в крови Праведника сего» (Матф 27:24).
54. О тройном отречении апостола Петра от Иисуса до петушиного крика рассказано в Евангелиях.
55. *Слово* — одно из названий Бога (Иоанн 1:1).
56. Ср. слова Иисуса накануне ареста: «Я умолю Отца, и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами вовек, Духа истины...» (Иоанн 14:16-17; 16:7-11). «Утешитель же, Дух Святой, Которого пошлет Отец во имя Мое, научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам» (Иоанн 14:26) См. примеч. 52.
57. *Варрава* — разбойник, убийца, амнистированный вместо Иисуса Христа.

58. *Трехдневная ночь* — три дня после казни Иисус Христос был мертв, после чего воскрес.
59. *некий Дух крылом смущает воду*. В иерусалимскую купальню по временам сходил Ангел Господень и смущал воду. Кто из больных первым после этого входил в бассейн, — выздоравливал (Иоанн 5:4).
60. Израиль новый (новозаветный) — русский народ. О мессианстве, избранности русского народа писали многие авторы (Ф. М. Достоевский, Д. С. Мережковский...). Неоднократно писал об этом и Вл. Соловьев. Со ссылкой на Достоевского он считал Россию избранным народом Божиим «для свободного служения всем народам и для осуществления, в братском союзе с ними, истинного всечеловечества или вселенской Церкви» (2-я речь о Достоевском, 1882). «Россия, уподобляясь душе человеческой, как душа человечества оказывается не просто географическим пространством, (она) как Новый Израиль, заключает Вечный Завет бесконечного Царства Божия» (Соловьев В. Русская идея. — СПб., 1991. — С.26). На Западе в 1930-е годы под Новым Израилем подразумевалась русская эмиграция. С. Н. Булгаков по поручению митрополита Евлогия даже сочинил специальную ектенью (молитву) Богу: «Яко же Израилю, в пустыне странствующему, благоволил войти в землю обетованную, тако и сынам рассеяния сего благоволи возвратиться в землю свою и к народу своему и тамо Тебе послужити» (сообщ. протоиереем Б. Г. Старком).
61. Во время всемирного потопа праведник Ной спаслся на плавушем ковчеге. Чтобы узнать, насколько убывла вода, он выпускал «на разведку» Белого Голубя.
62. *Голгофская Гора* — место казни (распятия) Иисуса Христа.
63. Криком «Распни его!» народ потребовал от Пилата казни Христа.
64. Согласно евангельской концепции, все люди — овцы единого стада, пасомые «добрым пастырем» Иисусом Христом (Иоанн гл. 10). *Предреченный Вождь* — Христос, пришествие которого было предсказано ветхозаветными пророками.

СОДЕРЖАНИЕ

Широкий путь духа — предисловие	3
---	---

Жатва Духа

Выпуск I

1. Иоанникий Великий	10
2. Авва Агр и авва Ор	15
3. Мученик Никифор и его друг Саприкий-пресвитер . .	20
4. Единодушные братья	25

Выпуск II

1. Виталий-монах	28
2. Петр — сборщик податей	32
3. Серапион-синдонит	37
4. Путь к человеческим душам	42

Духов день	45
----------------------	----

Примечания	61
----------------------	----

